

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Выходит под редакцией: В. Ставского, Е. Петрова, В. Лебедева-Кумача, Н. Погодина, О. Войтинской.

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

АВГУСТ

10

СРЕДА

1938 год

№ 44 (751)

Цена 30 коп.

СЕГОДНЯ ОТКРЫВАЕТСЯ ВТОРАЯ СЕССИЯ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР ПРИВЕТ ДЕПУТАТАМ—ИЗБРАННИКАМ СОВЕТСКОГО НАРОДА!

Демократия и литература

Сегодня начинает свою работу сессия Верховного Совета СССР. Из всех уголков страны съехались депутаты, избранные народом, решать дела государственного значения. Семь месяцев прошло со времени первой сессии. Страна наша за это время достигла больших успехов в области промышленности, сельского хозяйства, культуры и искусства. Большую работу проделала писательница. Депутат М. Шолохов напечатал 4-ю книгу «Тихого Дона», депутат А. Толстой написал пьесу «Поход 14 держав», депутат А. Корнейчук написал пьесу «Богдан Хмельницкий». Михаил Божович написал замечательную книгу «Испанские дневники». Малышкин — «Люди из задуныя». Новые песни Лебедева-Кумача распевают весь народ. Это далеко не полный перечень крупнейших произведений, появившихся в первом полугодии 1938 года. Депутаты Верховного Совета — писатели проделали огромную организационную работу. Особенности нашей Конституции заключается в том, что депутатом может быть человек, занимающийся творческим трудом, полезным делу социализма. История жизни знатных людей нашей страны — Алексея Стаханова, Марии Демченко, Ивана Паланина — факт не только биографического значения. Биография любого из них это — замечательный документ о преимуществах социализма, о расцвете личности в сталинскую эпоху.

Впервые в истории созданы полные условия для роста личности, для расцвета творческих особенностей человека. «...коллективизм, социализм, — говорит товарищ Сталин, — не отрицает, а объединяет индивидуальные интересы с интересами коллектива. Социализм не может отделиться от индивидуальных интересов. Дать наиболее полное удовлетворение этим личным интересам может только социалистическое общество. Более того — социалистическое общество представляет единственную прочную гарантию охраны интересов личности».

Именно потому, что социализм означает расцвет творчества, социализм означает расцвет искусства. Капитализм враждебен искусству и поэзии, потому что труд писателя там расценивается как товар и только как товар. Великим создавался легенда о свободе писателя в классовом обществе. В действительности «свобода» писателя в классовом обществе означает величайшее закабаление. Горе тем, кто осмеливался поднять голос протеста против угнетения человека человеком.

Советская демократия создала полную свободу для искусства — свободу честно служить делу народа. Наша литература свободна потому, что не корысть, не карьера, а идея социализма вдохновляет советского писателя. И мы гордимся тем, что наша литература — самая передовая в мире, что она выражает желания освободить всех трудящихся, все человечество от ига капиталистического рабства. Наша литература свободна потому, что она служит не извращенным вкусам преступного буржуа, а бессмертному народу.

На протяжении столетий народ создавал культуру, создавал искусство. Сейчас искусство возвращено народу. Мы гордимся тем, что советская литература служит миллионам.

Наша литература свободна, потому что она пишет об истинно прекрасном, об истинно благородном, о героических делах народа. Для пролетарской литературы характерен разгул мистицизма, увлечение порнографией. «Знатными людьми» этой литературы являются сейчас воры, сыщики, проститутки и хулиганы. Такая литература не может создать действительных произведений искусства, потому что подлинное искусство всегда проповедует высокие этические идеалы. Буржуазная литература обречена на упадок и загнивание, как обречен породивший ее буржуазный строй.

Героем нашей литературы является народ, его знатные люди, его лучшие представители. Герой нашего времени — сильный, волевой человек. Жизнь создала замечательную портретную галерею типов и характеров людей эпохи социализма. И на этой советской литературе выпала величайшая честь — создать художественные образы людей, каких еще не знала история.

Наша литература свободна, потому что народ от нее требует только одного — писать правду о нашей жизни, о социализме, о героической борьбе народа. И если писатель пишет только правду, он тем самым служит делу социализма.

Следовательно, только в эпоху социализма возможна действительная свобода писателя, действительная свобода творчества. Мы — современники величайшего расцвета советской демократии, и наш долг — создать произведения, достойные нашего народа, достойные сталинской эпохи.

И японские фашистские провокаторы, очевидно, забыли тот суровый урок, который дала им Красная Армия и партизаны Дальнего Востока в годы гражданской войны.

И японские захватчики узнают и теперь силу и мощь советского народа и его Красной Армии. Железной стеной встанет советский народ вокруг большинства партий и генерального вождя товарища Сталина.

В ответ на наглую выходку японских фашистских самураев еще более повысим революционную бдительность!

По первому зову коммунистической партии и правительства мы, партийные и непартийные большевики, вместе со всем многомиллионным народом встанем на защиту нашей Советской земли. Героический советский народ, сражающийся под сталинскими знаменами, непобедим.

Да здравствует Красная Армия и ее славный маршал товарищ Ворошилов! Да здравствует непобедимый советский народ, возглавляемый великим вождем трудящегося человечества товарищем Сталиным!

ИСТОЧНИК ВДОХНОВЕНИЯ

АЛЕКСЕЙ ТОЛСТОЙ
Депутат Верховного Совета СССР

Восемь месяцев тому назад, 12 декабря 1937 года, мне была оказана большая честь быть избранным в депутаты Верховного Совета СССР от Старо-Русского избирательного округа. Эту честь я расценивал и расцениваю не только как высокое доверие, но и как величайшую ответственность, возложенную на меня моим народом и родной. Слова Сталина о том, что депутат есть «слуга народа, его посланец в Верховный Совет и он должен вести себя по линии, по которой ему дан наказ народом», были и остаются тем принципом, которым я руководствуюсь в своей повседневной работе депутата.

Моя практическая депутатская деятельность фактически началась в дни избирательной кампании, когда, обехав Старо-Русский, Лычковский, Демьянский и Валдайский районы, я осматривал местные фабрики и заводы, знакомился с растущими и крепнущими колхозами, говорил со стариками, переживающими вторую молодость, видел деревенскую молодежь и детвору, здоровую и веселую, безудержно стремящуюся к культуре и знаниям, и побывав, наконец, в частях Красной Армии, всегда готовой дать отпор врагам Советской страны.

Во время пребывания в Старой Руссе местные партийные и советские органы детально познакомили меня с состоянием городского хозяйства, вызвавшему мною требования помочь им в разрешении ряда проблем, касавшихся улучшения бытового и культурного обслуживания граждан крупного центра моего избирательного округа — города Старой Руссы. Дело касалось таких предприятий, как хлебозавод, баня, электростанция и т. д., запущенных в прошлом вредительским руководством городского хозяйства, не заботившимся об интересах граждан.

Так, например, имеющаяся в Старой Руссе баня, как выяснилось, не способная была удовлетворить требования жителей города вследствие малой пропускной способности: по самому скромному подсчетам, каждый гражданин Старой Руссы может в ней выкупаться не чаще, чем один раз в месяц; под выходные дни перед баней собирается большая очередь, и несчастьи заходящих баней старается не попадаться на глаза жадным помывщикам, а также тем, кому во время мытья нехватало горячей воды. Энергия, отпускаемая электростанцией, недостаточна не только для освещения городских улиц, но и для освещения части жилищ. Оборудование ее старое и изношенное, станция нуждается в капитальном ремонте и расширении. Мост через реку Перерытину, пересекающую город, также недостаточен и в дни половодья создает затруднения для движения пешеходов и транспорта.

По поручению моих избирателей все эти вопросы после тщательного их изучения были поставлены мной перед правительством РСФСР, Совнаркомом РСФСР, проявив большое внимание к нуждам граждан Старой Руссы, на заседании 9 июня 1938 г., обсудил состояние коммунального хозяйства города

Старой Руссы и вынес решение, по которому в распоряжение горсовета выделено 100 тысяч рублей на капитальный ремонт электростанции, 120 тысяч рублей на ремонт бани и расширение прачечной, 300 тысяч рублей на строительство нового моста через реку Перерытину.

Одновременно с этим группой избирателей поставила передо мной вопросы улучшения культурного обслуживания граждан кинотеатрами и радио. В Старой Руссе имеются два кинотеатра — «Аврора» и «Атест» вместимостью 700 мест. Они удовлетворяют лишь одну треть потребности населения. Районная газета «Трибуна» не раз писала о том, что посетители кинотеатра «Аврора», не помещаясь в фойе, вынуждены ждать начала сеанса на улице, что «Атест», помещающийся в бывшей переяске, не приспособлен к демонстрации звуковых картин, имеет плохую старую аппаратуру и что местное отделение по кинопрокату располагает всего лишь одной звукопередающей, в то время как колхозы ожидают районный центр требованиями показа советских фильмов.

Мое обращение в Леноблком тотчас принесло результаты. Леноблком обязалось отпустить «Атесту» средства для постройки собственной электростанции, выделить новый аппарат, построить аппаратную камеру, привести в культурный вид зрительный зал; «Авроре» ассигновано 10.000 рублей на электрооборудование, и в третьем квартале этого года в распоряжение района поступит автозвуковая кинопередвижка с легкой машиной.

От имени жен инженерно-технических работников одного из заводов ко мне обратился тов. Яковлева с письмом о том, что местная радиостанция прекращает работу с 12 до 2 часов дня, т. е. как раз тогда, когда Ленинград передает интересующие домашних хозяек монтажи опер, концерты, «советские материя» и т. д. Обращение в ленинградский радиоузел помогло также быстро выполнить и это требование избирательниц. Трансляция увеличена на два часа.

С тех пор, как я избран депутатом Верховного Совета СССР, моя писательская почта претерпела большие изменения. Среди писем с читательскими отзывами о моих книгах, рукописей начинающих писателей, переписки с друзьями каждый день почта доставляет мне многочисленные письма избирателей. Трудно перечислить те вопросы, с которыми обращаются к своему депутату избиратели, — они охватывают почти все стороны многообразной жизни советского города и деревни. Пишут и коллективы, и одиночки, сигнализируют о недостатках, указывают пути к их исправлению, делятся радостью и горем.

Приведу несколько конкретных примеров. В колхозе Зимогорье Валдайского района организована хорошая коллективизация из 13 кол-

хозных юношей и девушек. Коллектив разучил народные песни, стал выступать с ними в библиотеке, завоевывал популярность среди колхозников. Растущий самостоятельный коллектив задается целью организовать драматический и струнный кружки, но районо неожиданно решил уполномочить талантливого руководителя коллектива. Пришлось мне вмешаться в это дело, — руководителя оставили; я получил восторженное письмо, подписанное 35 членами разрозненного коллектива. Они благодарят за помощь, с гордостью рассказывают о своих успешных выступлениях на выпускных вечерах школы валдайских трактористов, на концертах в районном Доме культуры и библиотеке.

Впервые в жизни мне приходится вторгаться, так сказать, в сферу хозяйственной деятельности. Так, весной этого года группа рабочих Парфеновской механической биржи Зашельменской сплавной конторы обратилась ко мне с жалобой на задержку выплаты заработной платы. Я обратился в ленинградский областной комитет союза леса и сплава с просьбой расследовать жалобу рабочих и принять меры к выплате им 71 тысячи рублей задолженности по зарплате. В процессе расследования выяснилось, что задолженность эта не случайная и является следствием вредительских расчетов себестоимости лесосплава. Вопрос этот был поставлен перед управлением треста Севзаплес и законные претензии рабочих получили полное удовлетворение.

Приведу три последних примера из многих индивидуальных обращений к депутату, показывающих, с каким доверием народ относится к своему избраннику, прибегая к его помощи и совету в трудную минуту. Вот письмо заместителя главного бухгалтера одного из старо-русских заводов т. Ефимовой. Ее уволили за критику незаконных действий администрации. Уполномоченный комиссии советского контроля по Ленинградской области расследовал переданную мной жалобу и восстановил тов. Ефимову на работе.

Тов. Ильина, выдвинутая председателем колхоза «Красный берег» Больше-Завоевского сельсовета Залучского района, делится своим горем в письме: в колхозе падеж скота, — просит помочь. Учитель заболотской сельской школы т. Иванов обращается с просьбой устроить беспропорционную девочку в детдом, где ее воспитают умную, культурную советскую гражданку.

Помощь тт. Ильиной и Иванову оказана. Писатель должен быть тесно связан с народом. Писатель, который оторвался от народа, не знает жизни народной, не связан с ней, по моему мнению, не сможет создать художественного произведения. И хотя я всегда связывал свою судьбу писателя с судьбой родного мне советского народа, с его мыслями и чаяниями, но с того момента, как меня избрали в Верховный Совет, эти связи удесятерились, стали во много раз теснее и живее, принося мне огромный политический опыт, как депутату, и большое творческое вдохновение, как писателю.

В СОЮЗЕ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Вчера на заседании президиума союза советских писателей Ю. Соколов от имени секции фольклористов поставил перед руководством союза вопрос о приеме в члены ССП лучших русских народных сказителей — М. С. Крюковой, со слов которой только за последние два года было записано 110 былин, А. В. Барышняковой, — автора книги «Сказки Куприяныч», Ф. А. Кошачкова, со слов которого записано 18 былин для книги «Былины Заонежья», П. Ф. Ковалева, давшего фольклористам 80 сказок, и М. М. Боргуева, автора книги «Беломорские сказки».

Президиум решил принять их в члены союза писателей, а также поставить перед редакциями художественных журналов и «Литературной газеты» вопрос о более широком освещении русского народного творчества.

В связи с исполняющимся в будущем году 125-летием со дня рождения великого украинского поэта Тараса Шевченко, президиум союза советских писателей создал юбилейный комитет в составе: А. Толстого, А. Фадеева, В. Катаева, Л. Соболева, М. Зощенко, О. Войтинской, В. Голубенко, Н. Асеева, В. Луговского, И. Сельвинского, М. Голодного, А. Суркова, Н. Ушакова, А. Прокофьева, М. Светлова (РСФСР), П. Тычины, А. Корнейчука, М. Рыльского, М. Вайсана, Ю. Яновского, С. Голвановского (УССР), Ш. Далняни, С. Члукваня (Грузия), Араи (Армения), Самел Вургуна, Расул Раза (Азербайджан), Я. Коласа, Я. Купалы, Бровки (Белоруссия), Эмицджана Аббасова, Фатхуллы Гудлама (Таджикистан), Абилова (Казахстан), Бекки Сейтакова (Туркмения), К. Маликова (Киргизия).

Кроме того президиум ССП рассмотрел ряд других вопросов. Подробный отчет о заседании будет дан в следующем номере «Литгазеты».

НАКАНУНЕ ЮБИЛЕЯ ПЕРВОЙ ПУБЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ

Начата подготовка к 125-летию со дня открытия Государственной публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина. Юбилей состоится в январе 1939 года. В новом выставочном зале будет развернута большая выставка, охватывающая 125 лет работы старейшего русского книгохранилища открытого типа.

Для предприятий и клубов будут выпущены передвижные фотовыставки. О рукописях и печатных сокровищах, хранящихся в библиотеке, расскажет короткометражный фильм, сценарий которого сейчас разрабатывается.

Подготовляется издание брошюры «Прошлое и настоящее Публичной библиотеки» и «Путеводитель по Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина». Кроме того предполагается выпустить описание научных трудов и литературных произведений, написанных по материалам Публичной библиотеки.

Советский народ готов ирudyю защитить свою священную землю

*

*

ПОВЫСИМ РЕВОЛЮЦИОННУЮ БДИТЕЛЬНОСТЬ!

Резолюция общегородского митинга писателей Ленинграда

Провокационные вылазки японской воениции вызывают у нас, советских писателей города Ленина, чувство глубокого возмущения. Японские фашисты неоднократно пытались нарушить неприкосновенность границ нашей родины, но каждый раз они получали в ответ сокрушительный удар.

Японские фашистские провокаторы, очевидно, забыли тот суровый урок, который дала им Красная Армия и партизаны Дальнего Востока в годы гражданской войны.

И японские захватчики узнают и теперь силу и мощь советского народа и его Красной Армии. Железной стеной встанет советский народ вокруг большинства партий и генерального вождя товарища Сталина.

В ответ на наглую выходку японских фашистских самураев еще более повысим революционную бдительность!

По первому зову коммунистической партии и правительства мы, партийные и непартийные большевики, вместе со всем многомиллионным народом встанем на защиту нашей Советской земли.

Героический советский народ, сражающийся под сталинскими знаменами, непобедим. Да здравствует Красная Армия и ее славный маршал товарищ Ворошилов! Да здравствует непобедимый советский народ, возглавляемый великим вождем трудящегося человечества товарищем Сталиным!

МЫ ГОТОВЫ ВЫПОЛНИТЬ СВОЙ ДОЛГ

Резолюция собрания писателей г. Москвы

Мы, советские писатели гор. Москвы, поднимаем свой голос гнева, негодования и протеста против японских захватчиков. Мы присоединяем свое решение к решениям всех трудящихся нашей великой и героической страны. Наглая и злобная японская воениция, которой не доводило крови, пролитой на бовых полях Китая, посмела посягнуть на священные границы нашего Союза, границы мирного государства, охраняющего мир во всем мире. Фашистские баниты хотят спровоцировать наш народ на войну, пытаются остановить движение человечества вперед.

Наша непобедимая Красная Армия, наши безавестные смельчачники сразу дали врагам сокрушительный отпор. Мы сметали и сметем с нашей земли любых интервентов, и страшен будет для японской воениции тот час, когда весь 170-миллионный народ ринется в бой, чтобы разбить, уничтожить и раздвинуть врага на его же собственной территории.

Мы приветствуем мудрую выдержку нашего правительства, со спокойствием относившегося к угрозе войны. Мы знаем, что по первому зову нашего Сталина народы Советского Союза раздуют узел грязной провокации, банитских полетов и шипящих посятательств на нашу могущественную, великую социалистическую державу. Дальний Восток для всех нас близок, как никогда. Отдадим ему нашу творческую силу, наши мысли, наш боевой голос. Мы обращаем свой голос к интеллигенции, к писателям мира — еще более активно включиться в общий антифашистский фронт во имя мира народов и культуры.

ТОВАРИЩИ, МЫ ВСЕЙ ДУШОЙ С ВАМИ

Наглое нападение японских провокаторов войны на границы страны свободы и социалистической культуры глубоко возмущало нас.

С радостью и искренней гордостью вносим мы на героических бойцов Дальневосточного Краснознаменного фронта, давших фашизму единственный подобающий ответ, ибо нам ясно, что должный отпор, который получили фашизм — и фашизм не только японский — у озера Хасан, послужил делу мира, свободы и культуры, и притом мира, свободы и культуры не только непобедимой Страны Советов, но и всех стран, которым прямо или косвенно угрожают фашистские варвары.

Мы, немецкие писатели, живущие в Москве, посылаем отважным бойцам Дальневосточного Краснознаменного фронта наш пламенный привет. Товарищи, мы всей душой с вами!

БЕЛА БАЛАШ, ИОГАННЕС Р. БЕХЕР, КЛАРА БЛЮМ, ФРИЦ ЭРПЕНБЕК, АНДОР ГАБОР, ЮЛИУС ГАЙ, ОЛЬГА ГАЛЬПЕРН, АЛЬФРЕД КУРЕЛЛА, БЕРТА ЛАСК, ФРАНЦ ЛЕШНИЦЕР, ГЕОРГ ЛУКАЧ, ТЕОДОР ПЛИВЬЕ, АДАМ ШАРРЕР, ГЕРВАТ ВАЛЬДЕН, ГУСТАВ ВАНГЕНГЕЙМ, ДОРА ВЕНЧЕР, ГЕДДА ЦИННЕР.

Об открытии второй сессии Верховного Совета СССР

Открытие сессии Совета Союза состоится сегодня, 10 августа, в 2 часа дня в зале заседаний Верховного Совета СССР в Кремле.

Открытие сессии Совета Национальностей состоится сегодня, 10 августа, в 4 часа дня в зале заседаний Верховного Совета СССР в Кремле.

СОЗДАТЬ БОЕВУЮ КРАСНОФЛОТСКУЮ ПЕСНЮ

Вчера в Политуправлении РКГФ состоялось совещание поэтов и композиторов, посвященное созданию краснофлотских песен. В совещании принял участие зам. наркома Военно-Морского Флота тов. И. С. Исаков.

Выступившие поэты тт. Сурков, Жаров, Гусев, Рудерман и композиторы тт. Кочетов, Новиков, Белый и др. заявили о своей готовности включиться в работу над созданием краснофлотской песни, подчеркивая,

что на материале флота, окруженного любовью народа, можно создать песню, которую будет петь весь народ.

Союз поэтов и композиторов по созданию краснофлотской песни в ближайшем времени получит опору и в исполнительских силах: создается ансамбль краснофлотской песни и пляски.

Единодушную поддержку встретило предложение выпустить к концу года сборник краснофлотских песен.

КОНСТАНТИН СЕРГЕЕВИЧ СТАНИСЛАВСКИЙ

Прощание

8 августа, в 15 час. 30 мин., гроб с телом К. С. Станиславского был помещен в зрительном зале Московского Художественного театра. Громадные бархатные полотнища — алые и черные — скрывают сцену.

У гроба на двух подушках лежат два ордена.

В первый почетный караул становятся друзья Константина Сергеевича, народные артисты СССР И. М. Москвин и В. И. Качалов.

Сотни людей в проезде Художественного театра. В скорбном молчании, в течение десяти часов, проходит он нескончаемой цепью мимо гроба. В двум часам ночи, к моменту закрытия доступа в театр, людской поток еще достигал Пушкинской площади.

Речь тов. Н. А. Булганина

Товарищи, мы собрались здесь, чтобы в последний раз проститься с Константином Сергеевичем Станиславским.

Работники искусств, общественные организации, ученые, представители трудящихся в Красной Армии пришли сюда отдать последний долг крупнейшему деятелю советского театра, выдающемуся мастеру искусства.

От имени Правительства Союза, я выражаю глубокое соболезнование в связи с похоронной утратой семье Константина Сергеевича и всем работникам искусства.

Константин Сергеевич Станиславский принадлежал не только работникам искусства. Вся его творческая деятельность была связана со всем народом.

Об этом наглядно свидетельствует тот факт, что тяжелое известие о смерти Константина Сергеевича нашло глубокий и сердечный отклик в самых широких слоях трудящегося населения.

Станиславского Константина Сергеевича знали и любили не только актеры, для которых он был полновесным учителем и примером.

Его знали миллионы советских людей, любивших Художественный театр, театр имени Станиславского и ежедневно заполняющих как эти, так и сотни других театров нашей страны.

Такой популярности Константин Сергеевич Станиславский достиг в результате искреннего служения народу, в результате полновесной борьбы за искусство правдивое и передовое, за театр, идущий в ногу с жизнью, за театр по-настоящему советский, по-настоящему реалистический.

В своих стремлениях к правдивому реалистическому искусству Константин Сергеевич Станиславский шел вместе с передовыми людьми своего времени.

50 лет назад Константин Сергеевич сошел в Москве «Общество искусства и литературы», поставившее своей задачей устройство высокохудожественных спектаклей.

Через 10 лет он вместе с другими деятелями русского театра создал свое любимое детище — Московский Художественный Театр. Создание этого театра имело огромное влияние на развитие русского и мирового искусства.

Первые годы работы Станиславского в создании им театра ознаменованы встречей его с великим писателем Алексеем Максимовичем Горьким, именем которого в данное время и называется Художественный Театр.

Их объединяло желание служить человеку, который, по словам Горького, «Самое красивое и чудесное явление на нашей планете».

От имени Всесоюзного комитета по делам искусств при Совнаркоме СССР выступает т. М. Б. Храпченко. От имени Московского Художественного театра выступает народный артист Союза ССР тов. В. И. Немирович-Данченко. Он говорил о гигантском масштабе Станиславского как человека и артиста, о его «одержимости» театром, умениях расторгаться в искусстве, его неутомимой жажде совершенства.

— Поклонимся же здесь у гроба, у свежей могилы, что мы продолжим дело, начатое Константином Сергеевичем, дело борьбы за реалистическое, правдивое и искреннее искусство на благо нашей советской родины, советского народа!

И точно это откликнулись колонны артистов МХАТ и студии Станиславского: — Клянемся!

От имени коллектива МХАТ выступает народный артист Союза ССР В. И. Качалов. — Какие слова надо произнести у гроба самого близкого, самого дорогого вам человека? — спрашивает он. Можно и должно сказать только теми словами, которые были отрывки, дороги и близки живому Константину Сергеевичу.

Таими словами Качалов считает слова приветствия, присланного в 1933 году М. Горьким к 70-летию юбилею К. С. Станиславского. В. И. Качалов зачитывает это приветствие и заканчивает речь словами Пушкина: «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» которые по праву мог бы сказать о себе и К. С. Станиславский.

От имени рабочих Московского торгово-

С утра 9 августа, задолго до того, как открылись двери театра, сотни людей вновь пришли к проезду Художественного театра в последний раз увидеть лицо любимого артиста.

В 15 ч. 30 м. крупнейшие артисты нашей страны вынесли из здания МХАТ гроб с телом К. С. Станиславского. Звучала музыка похоронных мелодий. Огромная, многотысячная процессия двинулась по улицам Москвы к Ново-Девичьему кладбищу.

В 17 ч. 30 м. тов. М. Храпченко от имени Всесоюзного комитета по делам искусств при Совнаркоме СССР открывает траурное собрание.

От имени Правительства Союза ССР выступает председатель Совнаркома РСФСР тов. Н. А. Булганин.

Константин Сергеевич Станиславский вместе с Горьким и другими деятелями театра подняли общественное лицо Художественного Театра и помогли театру уже в то время стать рупором переходной русской интеллигенции.

Октябрьская социалистическая революция открыла перед Константином Сергеевичем Станиславским, как и перед всеми лучшими представителями нашей интеллигенции, новые возможности к расцвету художественного творчества.

Революция поставила перед ним задачу служения народу во всем объеме.

Станиславский нашел свое место в рядах общества, борющегося за социализм, он развернул свой яркий талант, он отдал свою кипучую энергию и силы созданию театра в советских условиях.

Константин Сергеевич Станиславский много сил отдавал воспитанию и обучению молодежи. Его постоянно окружала молодежь, внимательно прислушивалась к его словам, черпая знания из его богатейшего опыта. И он отдавал молодежи все лучшее, что у него было. В этом еще одна черта Станиславского — гражданина нашей родины.

Он не замыкался от людей, не уходил в себя. Каждую свою мысль и теоретическую находку он проверял на деле и претворял в дело.

Он страстно думал о будущем советского театра, он готовил для него кадры новых талантливых мастеров театра, он работал, не покладая рук, до последнего дня своей жизни.

Советское Правительство по достоинству оценило Константина Сергеевича Станиславского. Он заслуженно носил звание народного артиста Союза ССР, заслуженно носил орден Ленина и орден Трудового Красного Знамени, которыми он награжден был Правительством Союза.

Товарищи! Имен Станиславского в искусстве были передовыми идеями искусства, тесно связанными с жизнью и запросами народа.

Он был неутомим в творческих исканиях, он был предан своему делу, своему народу, он был патриот своей родины.

Работники искусств должны учиться этим качествам у Станиславского. Эти качества помогут им выполнять задачи, поставленные Партией и Правительством перед искусством, которое должно воспитывать наш народ в духе ненависти к врагам нашей родины, которое должно звать граждан нашей страны на дальнейшую борьбу за великие идеи большевистской партии, за великое дело коммунизма.

Как завода выступает т. Мальков, от имени студии им. Станиславского т. Ревю.

В 18 ч. 30 м. закончилось траурное собрание. Склоняются знамена, траурные звуки оркестра заполняют кладбище, медленно опускается гроб.

На алом и черном бархате, укрывшем стену у могилы великого артиста, реет серебряная чайка.

Осиротело искусство мира

Умер великий артист. Грандиозна была жизнь этого человека, — жизнь, выпорхавшая посвященная искусству, может быть, как ни одна жизнь на свете. Имя Станиславского, высокое, прекрасное, свежее, как он сам, занимает эпоху. Это не только история театра, это гораздо больше: это история общества, потому что театр, созданный Станиславским, был действительно отражением истории русского общества огромного периода времени. Так широкая область, над которой возвышается эта фигура, что память мечется, не зная, на чем остановиться. На первых же победах Художественного театра, на создании им «системы» или на том обстоятельстве, что театр, созданный им, вошел в новую культуру и стал сокровищницей для нового человека.

И не видел Станиславского на сцене; до меня дошли легенды о том, какой это был актер. Но я читал потрясающие страницы, в которых он описывает свою работу над ролью Сальери. Этих страниц достаточно, чтобы понять, что такое отношение мастера к своему мастерству и что такое истинная одержимость искусством. Книга «Моя жизнь в искусстве» — благодуханна! Она написана с той чистотой и благоговением к своему призванию, которые отличают великих живописцев Возрождения. Открытия, изложенные в этой книге, повлияли не только на актерское искусство, это открытия для всех видов творчества. Станиславский первый открыл законы «этерна», правды образа, т. е. того, что дает основу всякому искусству. «Система» Станиславского — понятие гениальное проникновение в законы воображения, в тайну вымысла, который казался бы убедительным. В этом отношении Станиславский оказался действительно малом, оживляющим кукла. С чем сравнить эту деятельность художника, приобретающего науку? Она поразительна и неповторима.

Стали обиходом отдельные положения системы Станиславского, и тот, кто в той или иной области создает образы, сколько раз созовется сам перед собой, что работает по этой системе. Для искусства драма роль системы Станиславского громадна.

ЕГО ЖИЗНЬ

Настал этот страшный день, когда о Константине Сергеевиче Станиславском люди начинают говорить: он был.

Можно ли согласиться с тем, что в доме на улице Станиславского нет Константина Сергеевича?

Нет, это просто немисливо. С этим сегодня не согласен никто. Ведь миллионы знали, что в высоком доме живет высокий человек с высокой душой, человек великого таланта. Не все его видели, но все знали, что он живет, что он думает обо всех актерях, о всех заботится, чтобы все работало верно в театре, — что терял дорогу, знал, что Константин Сергеевич поможет, не позволит долго блуждать.

Константин Сергеевич Станиславский был шустроюм дальних плаваний, и, если искусство сравнить с морем, — он знал, в какой стороне обетованные земли правды. Константин Сергеевич постиг законы творчества, стремился к правде, ненавидел ложь и в жизни и на сцене. Его жизнь — это сражение с рутинной, он бросил беспощадно с ложью на сцене. Для его жизни — дни блестящих побед. И даже поражения,

какие Константин Сергеевич терпел, нельзя назвать поражениями. Он изучал причины поражений и креп для новых битв. Он умер. Он оставил в душе каждого неизгладимые воспоминания — воспоминания о своей жизни как человека, Константина Сергеевича, и как художника-титана, художника-борца. Вспоминал о Константине Сергеевиче, многие будут плакать — и горько будут плакать. Он помог кому-то просто как человек, кого-то взял за руку, чью-то голову прижал к своему плечу и шепнул слова ободрения, кого-то побранил в нужную минуту. Он любил молодых начинающих актеров Константин Сергеевич не ограничивал ничем талантливого человека. К. С. любил красивых, но в класс талантливых мог попасть замухрышка, бедняк, разночинец. Там ждал его учитель — великий художник. Но этот великий художник уважал своих учеников, он бережно прислушивался к их советам. Этому можно не поверить, но это так: ве-

Эта жизнь началась очень давно. В описании своего детства Станиславский говорит, что оно протекало еще во времена худы через платок. Она никогда не загибалась, эта жизнь; он никогда, никогда не старел и не уставал, этот человек. Разве возможна была бы фраза о том, что где-то живет «старый Станиславский». Никому в голову не приходила мысль, что Станиславский может приобщиться той старости, которую только получают, но о которой редко вспоминают. Существование старого Станиславского в искусстве было необычайно свежим, азбучным, да и просто властительным. Один из великих стариков мира! Самое понятие старости как-то не влезало в облик артиста. Вес в искусстве, он и облик своим походил на создание чего-то мощного воображения: высокий, в черном, со своей прославленной серпидой, алегантный и, как все великие артисты, прекрасно-неповторимый, он был удивительно свежим. Ему действительно поклонялись, с радостью шли на то, чтобы трепетать перед ним, и с нежностью на то, чтобы сказать о нем шутку. Не мало у нас есть вещей, которым завидует мир. Мир, несомненно, завидовал нам также и тогда, когда думал, что Станиславский принадлежит нам, что этот гениальный человек — русский и что он строит социалистическую культуру.

Осиротело искусство мира. Если каждый крупный художник создает свою школу и своих подражателей, то весь русский великий театр есть школа Станиславского, а слово «подражатель» исчезает, потому что каждый режиссер, исключительный и самостоятельный, так или иначе повторяет Станиславского. Если главное в артисте чистота и служение своему призванию, то пример Станиславского это и есть фигура человека, двигающего культуру.

Утрата незаменима, но значение Станиславского так огромно, что в свете этой силы как-то исчезает обыкновенное представление о том, что с концом человеческой жизни что-то действительно кончается. Вероятно, современным так же трудно было представить себе, что умер Гете.

— Красавец-человек.

Ю. ОЛЕША

Красавец-человек

Горький нежно любил Станиславского. Он писал ему: «Вы, дорогой Константин Сергеевич, удивительно много сделали и еще не мало сделаете в своей области для счастья нашего народа, для роста его духовной красоты и силы. Почтительно кланяюсь вам, красавец-человек, великий артист и могучий работник, воспитатель артистов».

Как хорошо это сказано. Большоголовый, высокий, с прекрасной седной, с лицом, освещенным ласковой и мудрой улыбкой, с чуть-чуть посмевающимся взглядом изпод густых нависших бровей. Красавец-человек!

Потребуется еще не мало времени, чтобы понять мастерство Станиславского во всем его величии. Мы, современники, слишком связаны с ним и слишком многое взяли у него. Наш театр не был бы тем, чем он является, если бы не открытия и дерзания Станиславского.

Человек наибольшей широты и гармонии духа, какая только была достижима в условиях старой культуры, Станиславский был в одинаковой мере и художником и мыслителем. Склонный к самонаблюдению, к осознанию законов творчества, он прекрасно понимал, что созерцание вне продуктивной деятельности бесполезно. Он чувствовал живейшую потребность в том, чтобы свои жизненные впечатления претворить в художественном творчестве. «Самое верное — это превращать в дело все то, что есть в нас и у нас». Он часто повторял эти слова Гете и всегда им следовал.

Станиславский пришел в театр в конце прошлого столетия. Когда Станиславский создавал свои первые спектакли, русская либеральная интеллигенция стремилась уйти из мира действительного в мир вымысла и потустороннего.

Станиславский не пошел по течению. Он отыскал смысл своего искусства в этическом и эстетическом протесте против действительности. Он требовал, чтобы театр делал зрителя благороднее, душевнее, человечнее, чтобы он поднимал зрителя над бытом, над тем скверным бытом, который так остро ненавидел Чехов. И для этого Станиславский искал новые формы театрального зрелища. МХАТ ставил пьесы любых жанров: исторические, фантастические, психологические, и все это подчинял великой цели — воспитания человеческой личности, ее всестороннего развития и совершенствования.

Если кратко определить значение рефор-

НАРОДНОЕ ИМЯ

Смерть Станиславского — страшная потеря для всего нашего искусства, не только для театра. Его талант был разносторонне ярок: актер, режиссер, теоретик театра, великолепный художник слова. Все вмещалось в нем с удивительной силой и оригинальностью. Он мог бы быть только актером — и за одно спеническое мастерство его имя навсегда осталось бы в истории мирового сценического искусства. Но он был театральным режиссером — и в истории мирового сценического искусства остался бы во главе громадной эпохи. Он мог бы оставить нам свои книги и, не сыграв ни одной роли, не поставив ни одного спектакля, навсегда остаться в памяти как изумительный толкователь актерского мастерства, как великолепный мемуарист-психолог.

Это был человек удивительной личной обаятельности и чистоты. Его строгость к себе и окружающим — черты, сближающие его образ, несмотря на многие различия, с образом М. Горького.

Это был человек, в правде которого судить было некому, никто не сомневался, и оттого его любили и к нему прислушивались не только деятели театра, но и люди, работающие во всех областях искусства.

Он принес нашей революции сложный опыт большой борьбы за реалистический театр, он пошел вместе с революцией, и то, за что он раньше боролся в театре, окруженный немногими единомышленниками, стало делом всего советского народа, строившего великое искусство социализма.

Социалистическая революция сделала имя Станиславского народным именем.

П. ПАВЛЕНКО

мы Станиславского в спеническом искусстве, то можно сказать, что он очеловечил театр. Человек всегда был в центре его размышлений и творчества. «Правда искусства должна служить правде жизни», — эти слова Шенкина стали главной идеей, знаменем его борьбы. Вернуть театру истинную правду чувств, показать жизнь, не скопированную, а преображенную фантазией художника, показать человека во весь рост, во всей сложности его переживаний — к этому всегда звал и стремился Станиславский. В этом интересе и любви к человеку, к истине он продолжал лучшие традиции передовых русских художников, традиции преданности народу, ненависти к насилию, моральной неподкупности и прямоты.

Недавно американский журнал «Новый театр» в статье о Станиславском назвал его настоящим «гражданином вселенной», в то же время признавая, что он «русский талант», истинный соотечественник Толстого и Чехова.

Больше чем полвека прожил Станиславский на сцене. Он поставил около 50 спектаклей и сыграл почти 30 ролей. Но величие Станиславского не в том, что он был превосходным актером, режиссером-новатором, теоретиком сцены, а именно в многообразии его таланта, в широте его деятельности, в универсальности, которая позволяет поставить его в ряд с прославленными деятелями мировой культуры.

Гегель в «Эстетике» задает вопрос: в чем состоит секрет художественного вдохновения? и отвечает: «... Находящийся в состоянии вдохновения весь поглощен предметом, всецело уходит в него и не успокаивается, пока он не найдет вполне соответствующую художественную форму». Станиславский в своей книге «Моя жизнь в искусстве» писал примерно то же: «Творчество есть прежде всего полная сосредоточенность всей духовной и физической природы... Оно захватывает и тело, и мысль, и ум, и волю, и чувства, и память, и воображение».

Станиславский не только формулировал законы творчества, он в каждодневном своем опыте показывал пример великолепного сосредоточенного труда в искусстве. Это был артист, свободный от профессиональной узости, человек всеобъемлющих интересов и сосредоточенной воли. Он любил жизнь, искусство, молодость. Он учил радости творчества, и мы любили его большой сыновней любовью. Как трудно примириться с мыслью, что смерть коснулась этого прекрасного лица...

ЖИЗНЬ В ИСКУССТВЕ

Станиславский!.. Имя, которое заволаговало еще в детстве, с которым уже не расставаясь, раз услышав шесть разернувшегося занавеса, увидев свет событий и отблески рамы. Имя, с которым росли, учились и выходили на сцену целые театральные поколения. Это имя непременно присутствовало, вхоило в любовь наше мышление об эпохе, об искусстве, о мировой славе русского театра. Художественный театр. Станиславский. Огромные, неразрывные понятия в сознании каждого, которому дорога слава и культура родины.

Могучий актер, создатель великой всемирной театральной школы, выпарь глубочайшей правды искусства, знаменосец новой эпохи театра, им самим утвержденный, великий мыслитель сцены. Это была подлинно жизнь в искусстве!

Страстная требовательность, глубочайшая выскательность, титанический темперамент, отравляющий всякие поползновения старости, мудрое жизнелюбие, непререкаемая настоятельность поиска, высокое полемизирование мысли и дела. Это был гигант.

Большой, он жил последние годы окруженный почтительной легендой, жил в беспокойной и родной ему Москве. Он не был затворником, анатомом. В нем пахло молодая театральная Москва, — шумная, ищущая, изво всех углов великой страны ехала сюда учиться и навсегда запоминать каждую минуту свидания с ним.

Имя это само по себе возвышалось уже как памятник, поставленный при жизни. Столько уважения, любви, преклонения вкладывала страна в чудесное понятие «Станиславский».

Слава его стала примером славы истинно народного артиста. Имя его стало частью народного представления о театре. Оно давно уже перешло с театральных афиш в сознание миллионов, в быт города, улицы... «Имени Станиславского»... «Улица Станиславского»...

Высшим мерилом творческого успеха считалась его скупая похвала. Нелюбимым образом мудрости и мастерства было его искусство, его высказывания. «Сам Станиславский так итрал»... «Сам Станиславский сказал»...

Теперь сам Станиславский умер... Но еще великий Шенкин говорил когда-то, что искусство актера, как будто умирающее вместе с артистом, может остаться жить лишь в опыте, переданном молодежи.

Жить в ярчайших образах, которые, созданные раз, будут снова повторены еще и еще раз в чудесных спектаклях, жить и жить в мастерстве, чистом голосе и энтузиазме молодежи, несущей опыт, толкования и мудрость мастера — разве это не прекрасная форма бессмертия?

ЛЕВ КАСИЛЬ

РЕПЛИКА ПИСАТЕЛЯ

За последние годы (главным образом в рапсовские времена) было создано много дутых, фальшивых репутаций, и это привнесло страдания не только читателям, но и самим обладателям таких искусственно созданных репутаций. У читателя всегда было то преимущество, что он мог просто обойти плохую книгу, не заметив ее, как бы ни рекламировался автор такой плохой книги. Гораздо хуже было самому автору, посетителю искусственно созданной славы. В глубине его сознания не могла не копиться неприятная мысль о том, что он в сущности самозванец, что он не достоин своей репутации и что рано или поздно ему придется тяжело расплачиваться за свои, быть может, невольные грехи, придется в расцвете сил перенести ужасный комбинированный удар — равнодушные читатели, ироничные критики и упорное нежелание издательства переиздавать его книги, те самые книги, которые в свое время переиздавались, так сказать, в административном порядке по несколько раз в год и аккуратно ложились на обложечные полки, чтобы покрыться там пылью и плесенью.

Но если бы только этим отличались «времена РАПС» в литературе, было бы покоем. Главная беда заключалась в том, что одновременно с усиленным раздуванием фальшивых репутаций искусственно прижались репутации больших мастеров литературы. На их литературные репутации ставились как на прочную основу, на которую выстраивались коротенькая и злощасная характеристика, которая от беспрерывного повторения приобретала большую, иногда даже сокрушающую силу. Всякая банальность опасна прежде всего тем, что ее легко и можно повторять, что она — отличный материал для собственной мысли. Пущенная в ход с величайшей легкостью, она лишь с большим трудом может быть изгнана из обращения.

Сейчас смелно вспомнить, но ведь это факт, что в течение многих лет имя Алексея Толстого не упоминалось иначе, как с добавлением: «буржуазно-феодалный писатель», о Михаиле Жванецком с манакальским упреждением повторялось, что он «литературный обыватель» и «представитель бездельного смеха», о Владимире Маяковском осмеивались писать: «люмпен-пролетарий от литературы, гиперболический». Михаил Шолохов котировался на рапсовской бирже в качестве «вульгарного попугая», страдающего невротическим психозом и недоопеняющего рост производственных процессов в казачьем быту. Валентин Катаев был просто какой-то мелкий буржуй с крупными недочетами, Юрий Тынянов — «представитель оголтелого мертвого академизма», а Эдуард Багрицкий — «оголтелого индустриального обывателя». Такие, например, писатели, как В. Лебедев-Буцай, К. Наустовский, К. Тренев не вошли даже и в эту идиотскую схему. Их просто не считали за людей, о них никогда не писали, хотя уже тогда они пользовались прочными симпатиями читателей и зрителей. Если ко всему этому вспомнить, что сам великий Пушкин был всего-навсего «последним узко-личным пережитком и выразителем узко-личных настроений», то читатель вправе будет спросить, к чему вытаскивать из мусорной ямы всю эту преступную, псевдокритическую галиматсию? И разумеется, мы не стали бы это делать, если бы к тому не было весьма серьезных причин.

Дело в том, что обвинять всегда несравненно легче, чем защищать. Очень легко загнать человека и необязательно трудно обмануть его. Надо помнить, что где-нибудь на Урален или мысе Северном еще этой зимой, быть может, валял на собаках какие-нибудь западные рапсовские пилулары об организации Ураленской АПП или идиотические статьи о некоем Пушкине, прославившемся своими узко-личными переживаниями. Кляузя отличается большой жизнеспособностью и долго еще ищет по инерции, прежде чем будет окончательно остановлена. Ведь совсем еще недавно, какие-нибудь несколько месяцев назад, в разговоре писателей приходилось бороться с рапсовской инерцией. И если сейчас твердо известно, что Шолохов или Толстой — отличные прозаики и что Маяковский — талантливый поэт нашей эпохи, то многие писатели еще нуждаются в том, чтобы их репутации были восстановлены и о них за-

говорили бы с той серьезностью, какой они заслуживают.

В этом смысле особенно показательна литературная судьба С. Сергеева-Ценского. В генеалогическом древе литературы, которое, очевидно для устранения советских писателей, было нарисовано в журнале «На литературном посту», С. Сергеев-Ценский был нарисован в виде висельника, и под ним красовалась иржавая надпись: «Живой труп».

Клеймо было поставлено. Была дана некоторым образом «исчерпывающая характеристика». Корявые рапсовские критики, ограничившись этим общим литературным портретом, принялись выделять свои обычные критические документы («Еще к вопросу о преимуществах Чумандрина перед Золя» или «Значение поэта Манькина в мировой литературе»), а Сергеев-Ценский был брошен на растерзание и побивание камнями и пятами критикам помельче. Догрызали его в каких-то темных углах совсем уже маленькие трусливые критики и критикессы, которые, конечно, никогда не осмелились бы на него напасть, если бы на нем не было этого страшного рапсовского клейма — «живой труп». Удивительным в Сергеев-Ценском сила воли, писательская дисциплина и любовь к труду. Почти не находил серьезных и содержательных критики своих произведений, весь искусственный анализ критическими комарами, он не только оставался одним из самых плодотворных советских писателей, но и непрерывно совершенствовал свой большой талант. После превосходного романа «Массы, машины, стихи» (по-моему — это лучшее, что было создано советской литературой о войне 1914—1918 гг.) С. Сергеев-Ценский выступил с большим историческим романом «Севастопольская страда».

Но иверния «живого трупа» в какой-то степени продолжается и сейчас. Сила привычки так велика, что даже иные хорошие люди при упоминании имени Сергеева-Ценского машут руками и начинают повторять где-то, когда-то слышанные глупости. О каком авторе позволили бы себе написать с такой необычайной легкостью, что его новое произведение — всего-навсего «своевременно-исторический роман» и даже вовсе не роман, а «беллетризованная хроника», в то время как опубликовано в журнале всего лишь начало этого произведения. А вот о Сергеев-Ценском все позволено. Он еще продолжает работать, а его нехотанное произведение уже получило отмену «неуд».

В № 41 «Литературной газеты» помещена статья Т. Миронова «Об исторических и псевдоисторических романах». В тексте самой статьи роман назван «фундаментальным» в кавычках.

А между тем «Севастопольская страда» — фундаментальный роман без всяких кавычек. Более того. Фундаментальность романа — это первое, что хочется отметить, прочтя опубликованные в журнале «Октябрь» первые четыре части (весь роман будет в девяти частях). Роман поражает своей добросовестностью, обилием фактов и редчайшими деталями, широтой исторической картины, глубиной изображения главных действующих лиц и блестящим умением, с которым выплывают все без исключения эпизодические лица.

С. Сергеев-Ценский, не прибегая ни к каким композиционным трюкам и строго держа канвы исторических событий, обнаружил такое поистине зрелое мастерство, что от книги пожелать невозможно оторваться, так интересно ее читать. Просто поражаешься развязности, с какой этот труд художника был назван «беллетризованной хроникой» и «фоторепродукцией».

Вообще говоря, отзыв Миронова отличается по своему тону от обычной безответственности, с которой писались статьи о Сергеев-Ценском. И если не считать глупых кавычек в слове «фундаментальный», опрощенного заголовка, сводящего на-нет всю работу писателя, и бессмысленного определения «беллетризованная хроника», — во всем остальном отзыв Миронова написан в достаточно достойных тонах и дает оценку, с которой можно спокойно спорить.

Спорить, однако, нужно будет не сейчас, а тогда, когда роман будет опубликован полностью. Собственно, по этой причине и Миронову следовало положить со своим отзывом.

Но слово порпачия произнесено, и было

бы несправедливо не произнести хотя бы краткого слова похвалы.

Основное и главное достоинство опубликованных четырех частей — это то, что они проникли в полноту народного патриотизма. Это верно, что превосходно изображены генералы и офицеры, Сергеев-Ценский только помогал в изображении героя — солдат; но удивительно живая фигура матроса Кошки и его товарищи, которые появляются в конце четвертой части, дают уверенность, что в последующих частях эти народные герои займут в романе то место, которое они занимали в истории. Но даже в том, что уже опубликовано, героем, несомненно, является народ, и именно он, народ, сообщает силу таким выдающимся деятелям обороны Севастополя, как легендарный Нахимов или великий ученый Пирогов.

Провел читателя сквозь первые напряженнейшие дни обороны, когда, вопреки преступной бездельности паря Николая и его генералов, русский народ со сказочной быстротой укрепил город, поразила затем читателя необыкновенно сильным и широким описанием Балаклавского и Инкерманского сражений, С. Сергеев-Ценский имел все основания еще в конце третьей части писать: «Но все-таки настоящим и подлинным героем отступления, как и героем боя, проигранного неспособными и несмелыми русскими генералами, оказался русский солдат». Какой характер носило это отступление, видно из оценки врагов — из статьи «Морнинг Кроника», которую чрезвычайно к месту приводит Сергеев-Ценский:

«Поражаемые огнем нашей артиллерии, они смыкали ряды свои и храбро отражали все атаки союзников, направивших на них с фронта и фланга... Нельзя поверить, не быши очевидцем, что есть на свете войска, умеющие отступать так блистательно, как русские».

Преступные всею союзною полевой артиллерией, батальонах их отходили медленно, поминутно смыкая ряды и во времена бросаясь в прыжки на союзников. Это отступление русских Гомер сравнял бы с отступлением льва, когда, окруженный охотниками, он отходит шаг за шагом, потрясая гривой, обрывает горло чело к врагам своим и потом снова продолжает путь, истекая кровью от многих ран, ему нанесенных, но непоколебимо мужественный, непоколебленный».

Вывод о народе-герое, который делает Сергеев-Ценский, не является безосновательным и послепным, что было бы естественно для псевдоисторического романа. Напротив. Здесь такой вывод подготовлен всем ходом повествования. Здесь, как и подобает подлинно историческому роману, в основе его композиции лежит мысль о народе-герое. И образ Меншикова, который представляет собой настоящий шедевр современной прозы, образ трагический, именно потому так удался писателю, что он правильно понял истинную трагедию Меншикова — его антинародность, свойственную всему николаевскому режиму.

Истинный художник, и к тому же художник советский, для которого точное и правдивое изображение событий является законом, уже в силу своего таланта не мог бы сделать иначе.

Тут мы стоим перед совершенно исключительным явлением, в котором необходимо как можно глубже разобраться. В то время

как грубая и вульгарная критика только портила художника жизнь, сама советская действительность, глубокая народность советской власти, воля советских народов к защите отечества и к борьбе с фашизмом вдохнули в художника новую жизнь и помогли ему создать произведение, историчность которого чрезвычайна современна. И когда Сергеев-Ценский называет союзников, обложивших Севастополь, **интервентами**, он дает правильное объяснение историческому событию и одновременно с этим напоминает о славных страницах гражданской войны в России, об Испании, о Китае, о том, что сейчас волнует все переломе и прогрессивное человечество.

Десятки превосходных батальных картин, сотни действующих лиц, из которых каждое запоминается, блестящие характеристики целых армий и их особенностей, описание военной обстановки и местности, которые сделали бы честь любому военному писателю. Меншиков и Нахимов, Николай I и Пирогов, Тотлебен и Истомин, Данненберг и Остен-Сакен, матрос Кошка и первая в мире сестра милосердия, матросская дочь Лапа, пожилой матрос Игнат Шевченко и петрашевцев Дебу, престелная семья отставного капитана-инвалида Зарубина, маршал Сент-Арно и его жена, маршал Рагаля и генерал Сеймонов — просто невозможно перечислить всех действующих лиц! Исключительно по силе и блеску описание бунта на Черном море, интереснейшая история об английских рысачках (кстати, очень нужная, потому что дает атмосферу высшего английского общества), российские казачьи-индентанды, несчастные турецкие солдаты, морской бой, казнь петрашевцев, выезд из Петербурга первого отряда сестер милосердия, состояние госпиталей и дорог, дети в осажденном городе, — все это богатство жизни расположено на страницах романа с громадным умением. А большой стиль этой вещи, богатейший словарь и типичная для каждого из действующих лиц прямая речь, несомненно, делают эту книгу любимой книгой наших читателей.

Перед нами настоящая эпопея **севастопольских событий**. И если это не роман, Т. Миронов, то что же называется романом?

В «Севастопольской страде» есть один серьезный недостаток. Политические причины, вызвавшие возникновение Крымской кампании, изложены С. Сергеев-Ценским довольно наивно. Писатель, который с такой тщательностью и добросовестностью изучил исторический и бытовой материал, который поставил перед собой такую грандиозную и почетную задачу, должен был воспользоваться бесмертными трудами Маркса и Энгельса о политическом положении Европы того времени. Но недостаток этот не можно исправить. Во-первых, роман еще не закончен и кое-что может быть сделано в последующих частях и, во-вторых, прежде чем издать книгу отдельным изданием, автор, если он согласится с нашим мнением, сможет пересмотреть отдельные главы, посвященные этому вопросу.

С. Сергеев-Ценский прошел большой исторический путь. На этом пути были и неудачи. Но радостно видеть такой большой расцвет таланта у человека уже не молодого. И особенно радостно констатировать этот расцвет не в день юбилея, а в дни настоящего торжества мастера.

В издательстве «Молодая гвардия» готовится к печати книга А. М. Горького «Рассказы» с иллюстрациями художника Б. Дехтерева. На снимке заставка к рассказу «Челкаш».

ЛЕВ ДЛИГАЧ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ ПОЭТ

Больше трех лет назад издательство «Академия» решило выпустить на русском языке избранные стихи Шандора Петефи. Люди, которым поручено было воплотить в жизнь это прекрасное намерение, создали изрядную сумятицу в умах переводчиков, привлеченных к работе над Петефи, и проявили весьма «своеобразный» вкус в подборе материала.

Эти люди давно уже вычеркнуты из списка штатных и внештатных редакторов. «Академия» уже не существует, а вопрос об издании Петефи только сейчас поставлен Гослитиздатом.

Петефи отведено, наконец, место в издательском плане, но место это не заслуженно мало. Великому венгеру предостаточно поистине прокустово ложе — пять печатных листов, в которые, при самом строгом отборе, никак нельзя втиснуть лучшие вещи поэта.

Надо во что бы то ни стало дать советскому читателю полное представление о песне, политическом стихе и прекрасной лирике Петефи. Здесь нельзя идти на компромиссы, нельзя успокаиваться на том, что Петефи назван в Гослитиздатском перечне. Петефи должен быть поназван читателем во весь рост.

Инициал комедиант, солдат, уборщик казарменного двора, голодный бродяга, обоимешный пешком чуть не всю Венгрию, сын прачки, Шандор Петефи сумел стать одним из самых литературно образованных и переловких людей своего времени. Он читал в полдник Горация и Тацита, знал Шиллера, изучал своих великих современников — Рейне и Ленау, переводил Барнабе, Шелли, Шкспира, Гейне. Автор превосходных лирических стихов, повестей и поэм, автор чудесной драматической сказки «Витязь Янош», Петефи был человеком упорным в своих стремлениях,прямолинейным и бесстрашным. Творчество поэта Петефи определило его судьбу. Автор песни «Вампайе парей» был активным участником национальной венгерской революции на крайне левой ее фланге, был патриотом в самом высоком значении этого слова.

Имя Шандора Петефи стоит в одном ряду с именами лучших поэтов его времени, а в секретной переписке австрийского министерства о «неблагонадежных» для государства людях имя Петефи поставлено возле имени редактора «Новой Рейской газеты» Карла Маркса.

Петефи сочинил национальный гимн — венгерскую марсельезу и напечатал в заглавной и типографии знаменитые девять пунктов народных требований.

«Бог моей души один — свобода», — сказал Петефи и отдал этому богу свою жизнь и свой бессмертный талант. В роном доблестном полку, в батальоне геттедов, в частях социалиста-утописта, генерала Бема он сражался за свободу и независимость своей родины и погиб двадцати семи лет в борьбе против казачьих полчищ Николая I, торжествующих в Венгрии.

Петефи зоологически ненавидел хищников и туземцев. Он писал о себе: «Я заранее чувствую революцию, как некоторые животные — землетрясение».

В мужественном и страстном стихотворении «Дворец и хижина» это ни с чем несравнимое чувство подкажало Петефи слова пророческой силы:

Горды, дворцы, сияние своим —
Пестра богатств награбленных штра.
Но, знай, что сочтены твои часы.
Придет расплаты грозная пора.
И мне бы стать хотелось поскорей
Свидетелем бесславного конца.
Чтоб видеть гибнущих среди руин
Ничтожных обитателей дворца!»

Подкупающая естественность стихов Петефи, отсутствие в них какой бы то ни было нарочитости и внешнего напряжения объясняется, помимо огромного таланта поэта, еще тем, что судьба вложила в его колесницу искренность, и он пронес ее через всю свою жизнь и творчество до череды до могилы.

Лицемерие — искусство очень петрудное. Им может пользоваться каждый глупый.

человек, по говорить откровенно, искренно, от глубины души могут лишь лучшие поэты. Эти слова стали девизом жизни Петефи. В 1846 году в одном из своих произведений он писал: «Если придет время, когда народ, жеманный гнетущим его игом, бросится в битву, то вместе с ним желал бы умереть и я. Пусть кровь моего сердца прольется на поле битвы, пусть тело мое источит конские копыта, пусть останки мои лягут там, пока не настанет время, когда возторжествует правосудие! Только тогда пусть соберут мои кости, чтобы в знаменательный день свободы они заняли место среди сплуненных знамен, покрытых трауром, и были похоронены в одной могиле со всеми парашми за свободу героями».

Петефи погиб — пропал без вести — в бою у Шегеншвера 30 июля 1849 г. Тело его разыскать не удалось. Наш поэтический дог — собрать сейчас его творческое наследие, чтобы оно заняло свое место в ряду сокровищ, достоящихся в наследство восходящему классу.

Стихи Петефи вышли сейчас в свет на украинском языке в переводе поэта Леонида Первомайского. Гослитиздат Украины сумел опередить и покойную «Академию» и издать Петефи в переводе Л. Длингача.

Трудом Первомайского с большой любовью и трудолюбием подошел к своей работе. Книжке предшествует посвящение переводчика венгерскому писателю Мате Залка, личность которого так схожа с судьбой Петефи. Спаялась за жизнь и счастье испанского народа. Мате Залка сражался за свою родину Венгрию и погиб. Это Мате Залка внушил Леониду Первомайскому любовь к великому венгерскому поэту и следил живыми для уха украинского поэта прекрасные венгерские стихи. При помощи Мате Залка Первомайский вник в специфику и своеобразия венгерской речи для того, чтобы с предельной выразительностью передать на родном языке тончайшие нюансы лирических миниатюр и афоризмов Петефи:

Пластилин, кто дйшов у світі
до приреченої мети:
ради віни й любові жити
і за вітчизну поляти.
Кропотливий труд перекладача
венгерському писателю Мате Залка,
личність якого так схожа з
судьбою Петефи. Спаялась за
жизнь і щастя іспанського
народу. Мате Залка сражался
за свою родину Венгрию і
погиб. Це Мате Залка
внушив Леониду Первомайському
любів до великого венгерського
поета і слідкував живими для
уха українського поета
прекрасні венгерські
стихи. При допомозі
Мате Залка Первомайський
вник в специфіку і
своєрідність венгерської
речі для того, щоб з
предельною виразителністю
передати на рідному мові
тончайші нюанси ліричних
мініатюр і афоризмів
Петефи:

Шо наша папа? Райдуть мілиня,
в словах вибите сонячне проміння.
Шо ля, земле, ти, що спроби не залещи,
шо стільки сліз і стільки крові т'єш?

Прекрасно перевел Первомайский стихотворение Петефи «Повесть королей», которое с нашей точки зрения является блестящим образцом политической поэзии, почти равным по силе деромтовскому «На смерть поэта».

Ти можеш в лузі зрізати траву,
та завтра знов узриш її живу,
зламаеш дуба крону многотвіту,
З корнями їх корчуй без зайвих слів.
Ось залюби мій — повісьте королю!

Леонид Первомайский проделал большую, заслуживающую уважения работу. Нам хочется поздравить его с творческой удачей, потому что почти на каждой странице небольшой книги Петефи, изданной Гослитиздатом Украины, мы ощущаем всю свежесть живой поэзии великого венгерца и блеск его мысли. Перевод сохранил для нас душевную простоту полынника, которая была обусловлена синонимной близостью Петефи к народу.

Работа Первомайского, при всей ее значительности, только первый шаг по пути освоения наследия Петефи. Книга бессмертного поэта-революционера должна быть выпущена на русском языке массовым тиражом.

Шандор Петефи. «Поэзия», Держлітвидав.

СТАТЬЯ РЕДАКЦИИ

О КРИТИКЕ

В этой статье пойдет речь о причинах, мешающих лучшим из наших критиков работать в полную меру своих возможностей, о причинах, затрудняющих появление в критике новых людей, о причинах, препятствующих нашей критике занять в литературе то место, которое ей надлежит занимать.

Первая из этих причин — существовавшее несколько лет назад в литературной среде чрезмерное и незаслуженное «могущество» критиков из различных рапсовских группировок.

Было время, когда самый факт появления хвалебной или ругательной статьи, вне зависимости от того, кто и как ее написал, во многом определял у нас судьбу книги, «Оргвыводы» из критической статьи делались с необыкновенной поспешностью и прямолинейностью.

Ругают! — развела руками говорили издатели и увливали от издания книг. — Ругают! — говорили библиотекари и переводчики книгу рекомендовать. И критика из средства социалистического воспитания превращалась в меру административного воздействия.

Разумеется, такое положение могло существовать только тогда, когда критики писали во имя интересов литературной группы, мало задумываясь о судьбах советской литературы в целом. Но советская литература развивалась и развивается вопреки групповой критике.

Нельзя считать нормальным такое положение, когда к работе критиков относятся барски пренебрежительно, как к делу второстепенному. А ведь еще не так давно руководство союза писателей немало содействовало тому, чтобы это положение закрепить. «Книгу считать хорошей, критику поставить на вид», — к этому, в сущности, сводились в недавнем прошлом многие резолюции вских собраний и заседаний в союзе писателей.

Далее. Если в статье имеет значение лишь то — хвалит в ней книгу или ругаете, если важен лишь факт хвалы или хулы, а не система аргументации того или иного утверждения, тогда в сущности неважно, как написана статья и кто эту статью подписал. Если критическая статья — попросту обличительный или рекомендательный документ, тогда начисто снимается вопрос о том, авторитетен ли данный критик и прав ли он в этой своей статье.

Создается полная обезличенность в критике и пропадает необходимость каждому критику в отдельности завоевывать авторитет, добиваться в своих статьях откровенности, ясности и безошибочности суждений и выводов.

Следующая причина, мешающая правильному развитию нашей критики, заключается в сплотившемся отношении к критическим статьям во многих редакциях.

Если в статье важна лишь оценка книги, если не существенно — умно ли это статья, интересна ли она, хороша ли она написана, то качество ее определяется просто. Она удачна, — если мнение критика о книге, в ней сформулированное, совпадает с мнением других критиков, писавших об этой книге. Потому что несколько мнений, если они голосованы, разумеется, способны лишь дезориентировать читателя. А многие наши редакторы в голосованных статьях успевают привыкнуть и понимают, что дезориентация читателя в их обязанности не входит. Что же касается спора о книге, аргу-

ментированного с обеих сторон, спора, в котором у читателя есть полная возможность разобраться, кто из критиков прав, — то таких споров в наших редакциях давно не слышали. И когда критик приносит в редакцию статью, в которой он утверждает, что книга плоха, а о книге этой кто-то уже написал, что она — «шаг вперед», критику заявляют: — Что же это вы книгу ругаете, а вот там ее хвалят — или: — Вы книгу ругаете, а нам она нравится, — и довод этот принято считать достаточным, чтобы статью можно было забраксовать. То самое, что в критических статьях следует вышше всего ценить — самостоятельность и оригинальность суждений, свой критерий оценки, свое мнение — многие наши редакторы считают недостатком и, именно исходя из этого, предпочитают такую статью не печатать.

Не этим ли объясняется то, что критические отделы наших журналов так бедны и безликы? Просмотрите их все, хотя бы за первое полугодие 1938 г. За редчайшим исключением вы не найдете здесь ни остро поставленных принципиальных вопросов, ни анализа явлений советской литературы, ни борьбы мнений и вкусов, ни смелого выявления новых имен, ни возражений против книг, незаслуженно прославленных. Если попытаться установить — что произошло в советской литературе за последний период, пользуясь при этом критикой в толстых журналах, картина окажется до крайности оптимистичной. Особенно показательны в этом отношении шестые книжки журналов. В них вообще не нашлось места для статей о текущих явлениях советской литературы. Правда, они целиком посвящены памяти Горького. Но как бы разгневала Алексей Максимович, если бы он их увидел. Он погиб в разгаре борьбы и работы, сам в сущности живет между нами в десятках начатых им дел, в сотнях книг, которыми он помог родиться, в тысячах замислов, завещанных им советской литературе.

А литературные архивариусы и мастера юбилейных дел спешат превратить его в музейную реликвию. И вместо того, чтобы продолжать дело, им начатое, продолжать спорить, негодовать, возражать, продолжать думать вперед советскую литературу, они мирно справляют какое-то им одним понятное юбилейное таинство, не имеющее отношения ни к памяти великого пролетарского писателя, ни к советской литературе.

Мы боремся за линию партии в искусстве. И здесь критике надлежит выдвигать огромную созидательную работу в борьбе за направление таланта писателя, за формирование коммунистического воспитания миллионов людей. Но значит ли это, что нам не о чем между собой спорить, что наши вкусы должны совпадать, что наше отношение к тому или иному литературному направлению, к той или иной книге должно быть одним и тем же?

Спорите же! — писал о литературе Ленин, — в этом деле безусловно необходимо обеспечение большего простора личной инициативе, индивидуальным склонностям, просторы мысли и фантазии, форме и содержанию».

Но попробуйте обнаружить проявления личной инициативы, индивидуальных склонностей, самостоятельной трактовки вещей в крупнейших пролетарских статьях в толстых журналах.

Особенно трагично обстоит дело с критическими статьями в «Новом мире». Мы приводим точный список статей о советской литературе, напечатанных в шести книжках «Нового мира» за 1938 г. Он невелик: статья А. Гурштейна о романе Ал. Толстого «Лето» (март 1938 г., кн. 3) и статья А. Лейтеса «О двух поетах» (апрель 1938 г., кн. 4). Кроме того за шесть месяцев напечатаны еще две рецензии: Из. Розанова — о «Лиге песен» Вас. Лебедева-Буцай (май 1938 г., кн. 5) и П. Березова — о сборнике «Героические будни» (июнь 1938 г., кн. 6). Это все.

Нет, мы лучшего мнения о возможности наших критиков, чем то, какое можно составить в результате просмотра журнальных критических отделов последнего времени.

Видно, в журналах критике не организуется, видимо, в них превратно понимают ее смысл и недооценивают ее значение в деле борьбы за линию партии, в борьбе за направление работы писателя.

Очень широко, например, распространено у нас убеждение, что ценность критической статьи определяется значительностью книги, о которой статья написана, и это не мало мешает критикам в их работе.

Критическая статья воспринимается в таких случаях не как решение самостоятельной творческой задачи, а как ответ на вопрос, поставленные книгой. А если рассматривать статью именно так, то разумеется, нельзя себе представить, чтобы о серой и бездарной книге можно было написать талантливую и интересную статью. Между тем, книги — лишь материал для настоящих критических статей, что же до темы, то выбор ее и трактовка — результат творчества критика, продукт его мысли, чувств и убеждений, плод его труда и воображения. И это следует помнить твердо всем, кто пишет и редактирует критические статьи.

Вспомните, о редактировании критических статей. То ли из-за того, что долгое время многие наши критики писали свои статьи в достаточной степени небрежно, то ли из-за убеждения, что за критическую статью отвечает не столько критик, сколько редактор газеты или журнала, где она напечатана, а вернее всего — из-за того и из-за другого, критические статьи приняты у нас «исправлять». Разумеется, неверно было бы возражать против нормального их редактирования потому, что редактор, напечатавший статью, несет за нее ту же политическую и идейную ответственность, что и за стихотворение или рассказ. Но в том-то и дело, что отношение редакторов к критическим статьям весьма существенно отличается от их отношения к стихотворению или рассказам. Там — художество, там, если хотите, — тайна, там, за некоторыми исключениями, присконование редакторского карандаша легки и осторожны. Зато здесь редактор чувствует себя во всеоружии. Здесь он в своей сфере. И сакральное «кап бы чего не выпало» побуждает его к таким операциям, рядом с которыми превращение петуха в курицу

выглядит не сложное удаление гланд. Вот с таким «редактированием» нужно повести решительную борьбу, потому что оно — серьезнейшее препятствие на пути развития смелой, самостоятельной и активной критики.

Тема этой статьи — причины, затрудняющие и затрудняющие рост нашей критики. Иному высчитательному читателю положение может показаться слишком уж безотрадным. Пусть он не поддается первому впечатлению. Многие, очень многие помогали и помогают нашим критикам побеждать трудности, стоящие на их пути. О помощи и поддержке, которые они в этой борьбе получали, можно было бы написать статью с большим количеством доводов, чем эта. В том же достоянии количество примеров свидетельствует о том, что критическая мысль, преодолевая вражескую дивизию, идущая вопреки трусливой перестройке, побеждающая глупость и ханжество, существует у нас и развивается. Десятки талантливых, умных и острых статей — лучшее тому подтверждение.

Часто в разговорах о нашей критике приходится слышать фразу, повторяемую в упорном, поистине заслуживающим лучшего применении. Есть основания предполагать, что и сейчас некий глубокоумный «критик критиков», прочтя эту статью и метателью глядя вдаль, задумчиво и укоризненно произнесет:

— Все это хорошо, но Белинского-то у нас все-таки нет!

В сведениях упомянутого метателя сообщаем: Белинского у нас нет с 1848 года. И за прошедшие со дня его смерти девяносто лет написано достаточное количество великолепных критических статей, под которыми он бы с удовольствием подписался.

Так вот, не поминания о пришествии в наши дни нового Белинского у уже написанным полным собранием сочинений, будем сообщая содействовать тому, чтобы критические статьи, достойные его памяти, появлялись бы у нас все чаще и чаще.

Литературная газета

Письма к другу

Ленинград, 6 августа 1938 г.

Письмо второе

...И наконец последний твой вопрос на счет характера людей, с которыми я ныне общаюсь. В этом письме я опишу тебе только одного человека, и не столько его самого, сколько то, что думает о нем его жена.

Он писатель, Виктор Викторович. Он — прелечайшее явление нашего литературного бытия. Ты вероятно знаешь его, эдакий высокий, гладко причешенный, покатившийся и волочащий ногу субъект.

С ним я не очень хорош, а с женою его у меня приятельские отношения. Женщина она милая, простая, но несколько подлая и величием своего мужа-писателя. Так мне казалось раньше.

Недавно принесла она мне тайком от мужа тетрадку, дневник. В эту тетрадь записывает она мысли своего супруга, его так сказать афоризмы, экспромты, «мо», то, что по ее объяснениям легко может затеряться и для самого Виктора Викторовича и для... общества.

С грустью читал я мысли писателя. О них не стоит сообщать тебе.

А бедная жена стояла наоколо и спрашивала с надеждой и со страхом: — Неправда ли, интересно? Да? Как вы находите?

— М-да, — мычал я.

И воображение рисовало мне самого писателя, этого так уверенного в себе человека, с вечно усталой миной на лице, с властными манерами, с колым-камееш на пальце.

— Что он пишет сейчас? — спросила я. — Не знаю, — тихо сказала она, — мне трудно вам ответить.

Но меня разобрали злоба. С настойчивостью, неожиданной для самого себя, решительно, придирчиво я спрашивал ее о Викторе Викторовиче, о том, что он делает, что читает, о чем думает. Мою бедную собеседницу бросило в жар. Она была достаточно наблюдательна для того, чтобы заметить в моих интонациях угрозу тому своему душевному спокойствию, которое я неверно предполагал в ней.

— Что вы хотите, — спросила она, — что я должна вам рассказать?

— Молчать.

— Если на то пошло, — неожиданно твердым голосом заговорила она, — то я все отлично знаю сама. Я много об этом думала, но не верила себе, я все еще продолжала надеяться. Помните его первую книгу: «Валитан Нейдло»?

— Что ж, это просто воспоминания о мировой войне, — сказал я.

— Да, но талантливые?

— Словоблуд.

— Дальше пошло хуже, — сказал я. — «Четыре ветра» претенциозно, рассказы просто неудачны...

— Не алтарь, — сказала она, — как бы там ни было, его очень хвалили. К сожалению, у нас часто случается, мы вероятно заметили, что хвалят, хвалят писателя и наконец создают ему такую репутацию, при которой ничего не хваленого ему нельзя сказать. Так и с Виктором было.

Помните? Талант, наблюдательность, острота взгляда, хватка, легкость, глубина, чего-то только о нем не писали. Никто не указывал ему на опасность, стоящую перед ним, на некоторую пустоту, на это, вы знаете... фанфарность, кокетливость...

— Хватало тем, что глаз у него хороший. С ним не было строго. Я все ждала какой-нибудь строго-доброжелательной статьи, умной, серьезной, не развальной. Нет! Все со Стендалем сравнивали, с Гого почему-то...

— Ну какой он Стендаль, зачем это? Он тужился, потел, волновался. И тут произошло это с пещерой. Вы помните?

— Нет, — сказал я.

— Он написал пещеру, которая не то чтобы провалилась... Нет, она шла... Но после этой пещеры о нем перестали говорить как о Гого... Помните? Нет, нет, подправляли, но несколько раз бы с сочувствием, как большого, с какой-то трепетной похвалой.

— Да, — сказал Малышкин и покатил на море. — таким оно было, когда здесь еще не существовало Ялы, и таким оно будет, когда мы с вами умрем. Это очень радостно.

Эта простая мысль обычно вызывает у людей чувство собственного ничтожества, но Малышкин ощущал ее как нечто радостное и утверждающее жизнь.

Малышкин умер. Советской литературе нанесен жестокий удар. Исчезло ясное и простое очарование его ума, таланта и доброты. И бесконечно жалко, что он умер так рано, — ведь для Малышкина в последние годы начался его молодость, до этого жизнь была для него невесела и сурова.

Он умер, но Черное море шумит, как шумело при нем, и к нашим богатствам прибавилась еще одна ценность, оставленная нам Малышкиным — его великолепные книги и его высокое волнение перед зрелищем мира и настоящей, не выдуманной человеческой жизни.

Солотча, Рязанская область.

И преты были, и речи, но... «наш уважаемый», «наш дорогой», а один вдруг и скажи пошлостью: «Не стоило вам, Виктор Викторович, пещеру писать, вы ведь по характеру мастер прозы». Вот с этого для мой Виктор и испугался. Притих, задумался, какие-то руки поразил, что-то смеет, совет написал печальный. И начался наш мучительный пошлостью или не пошлостью на такое-то собрание, пригласит или не пригласит участвовать в конкурсе, какие места отведут на банкете. Как вам объяснить? Есть такая болезнь — боязнь пространства. Так и у него. Он вдруг испугался писать. Бывший Стендаль, бывший Гого, а вдруг напишет, что никакой он ни Стендаль, никакой ни Гого. Вник детель, разумеется, страшно. Существование определенное положение, определенное установленное место, все это когда-то заработано. И вот он ухватился мертвой хваткой за это свое положение. Он стал деятель. Утром он садился за стол, брал ручку, морщил лоб и... ждал телефонного звонка. А так как он стал деятелем, то ему звонили непременно, потому что деятельности у вас, у литераторов, куда как много. И по клубу, и по союзу, и по литфонду, и комиссия есть в большом числе, и представительствовал он в совете жен от мужей, — одним словом — есть куда приложить свои силы. Вы не поймите ложно, что я вообще против такой деятельности, нет, совсем наоборот. Я прожил с ним много лет, и мне все казалось, что деятельности у него постоянной плодотворной деятельности у него мало, что надобно ему вылезти из среды литературной, клубной, литфондовской, выйти на люди, там ведь все виднее, и — как говорит мой брат Гриша, — ветером обдувает. А эта клубная деятельность решительно она ему не подходила, она, знаете, просто трагична: все тот же круг, те же люди...

Одним словом, устранив от елки писательским детям, трубы доставал там как-то для Дома творчества, дверные ручки, металась, каждый день заседал. И вот однажды некий технический работник возьми ему и скажи: — Мы, Виктор Викторович, и киничи и печную проволоку, право, без вас доставить. Вы не беспокойтесь. Вам ведь писать нужно.

Боже мой, если бы вы только видели, какой испуг мелькнул в глазах у Виктора, передернуло его прямо...

Ну что же еще... Так и живем. Теперь он жмет даже мне. Даже мне он говорит, что не может писать из-за своей деятельности: — И, — кричит, — разучусь писать! Все на меня завалили, а сами пишут. Пусть бы попробовали — и Дом творчества строить, и билеты на теннисный матч доставить, и поваром рутаться, и секцию реорганизовать...

По два заседания в день, какой уж тут Стендаль. Иногда он пишет, но лучше бы не писал совсем. Знаете? Какие-то такие беллетризованные, что ли, рассуждения... И пышно очень, даже читать нелегко: мы,

писатели, я как писатель, мы, люди литературного труда...

Есть у меня брат, архитектор, Гриша. Там он возмил раз и брички: — Послушай, Виктор Викторович, а не попишешь ли тебе чего-нибудь? Ведь если бы я вдруг перестал свои бани строить, так меня бы по шеем, хоть какую общественную деятельность развели. Выгляди бы, Работать, дружок, надо, нехорошо, нежничать с нашим братом, а вы что?

Истерика белая была.

И еще одно печальное обстоятельство: над Виктором моим посмеиваются, а в глаза ему сочувствуют, дескать, завалили вас, бедный Виктор Викторович, великими делами. Неприличный анекдот: Стендаль, а писать некогда.

— На что же вы живете? — спросил я. — Не знаю, — сказала она, — синектуры у него какие-то есть. А главное — имя.

Мы помолчали.

— Что же вы думаете, — неторопливо сказала она, — и дальше так будем жить. Я все жду катастрофы. Боясь, конечно, но с радостью жду: придет человек, ревизор какой-то, и спросит: — А ну-ка, товарищи, кто из вас что сделал? Давайте посмотрим! Это вы Виктор Викторович? Боясь не писали? Почему же так? Ай, как нехорошо! Нет, какой же вы, батенька, Стендаль. Пустышка вы, а не Стендаль. Идите домой, подумайте.

Ну, знаете, как увольняют с работы. И придет мой Вита домой, ничто нам не позвонит по телефону, вытаски я из сумки драпую кожаную туфурку, он оденет ее и отправится на железную дорогу, как раньше, техником. Делами будет мотаться на линии, будет приезжать, и будем мы с ним ходить в кино. И по ночам иногда он будет писать по тем людям, которые... Одним словом, про хороших, понятных и простых людей. Потом выйдет книжка. И когда она выйдет, то не отпустит Виктора с линии, а скажут: — Работайте, Виктор Викторович, люди у нас очень интересные, напишите про них, не отвлекайтесь. А вашу книжку мы прочитали. Дельная, человеческая книжка. Очень рады, что вы — старый железнодорожник.

Она все говорила и говорила, ее глаза возбужденно и радостно блистали, а я смотрел на нее и казался о том, что я не железнодорожник-специалист...

Куда она ушла, я принимался перечитывать книги Виктора Викторовича. Конечно, он способный человек.

Вот тебе номер первый, дружище. Невесело? Погоди, есть у меня еще и номер второй и номер третий. Те, пожалуй, повеселее будут.

Будь здоров, пиши книжку, не заседай, как Виктор Викторович.

Неизвестный автограф Альдуса Мануция

ЛЕНИНГРАД (от наш. корр.). Интересное открытие сделано на днях в Государственной публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина. Давно уже в хранилище в библиотеке коллекции «альдов» (книг, написанных в тапографии знаменитого венецианского издателя конца XV и начала XVI вв. Альдуса Мануция) находится и «Греческий псалтырь» 1498 г. На этой редчайшей книге (одно из первых изданий Альда) имеется пометка бывшего е владыка — коллекционера Сухотелова: «На данном экземпляре, над верхней печатной строкой одной из страниц вынесена от руки одна греческая строка».

По странному недоразумению до сих пор считали, что эта пометка относится не к известной библиотеке корректорской

Литературного труда...

Есть у меня брат, архитектор, Гриша. Там он возмил раз и брички: — Послушай, Виктор Викторович, а не попишешь ли тебе чего-нибудь? Ведь если бы я вдруг перестал свои бани строить, так меня бы по шеем, хоть какую общественную деятельность развели. Выгляди бы, Работать, дружок, надо, нехорошо, нежничать с нашим братом, а вы что?

Истерика белая была.

И еще одно печальное обстоятельство: над Виктором моим посмеиваются, а в глаза ему сочувствуют, дескать, завалили вас, бедный Виктор Викторович, великими делами. Неприличный анекдот: Стендаль, а писать некогда.

— На что же вы живете? — спросил я. — Не знаю, — сказала она, — синектуры у него какие-то есть. А главное — имя.

Мы помолчали.

— Что же вы думаете, — неторопливо сказала она, — и дальше так будем жить. Я все жду катастрофы. Боясь, конечно, но с радостью жду: придет человек, ревизор какой-то, и спросит: — А ну-ка, товарищи, кто из вас что сделал? Давайте посмотрим! Это вы Виктор Викторович? Боясь не писали? Почему же так? Ай, как нехорошо! Нет, какой же вы, батенька, Стендаль. Пустышка вы, а не Стендаль. Идите домой, подумайте.

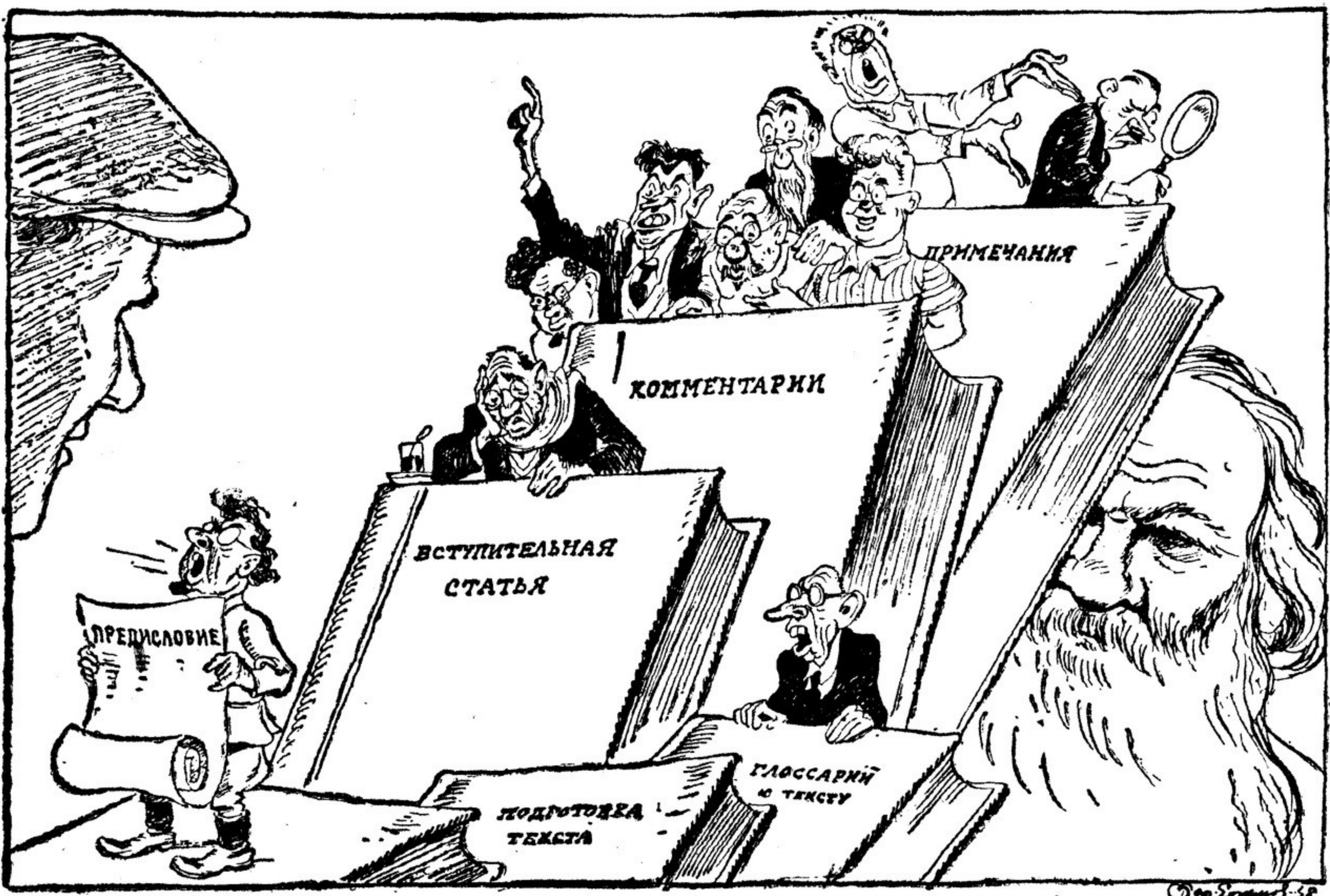
Ну, знаете, как увольняют с работы. И придет мой Вита домой, ничто нам не позвонит по телефону, вытаски я из сумки драпую кожаную туфурку, он оденет ее и отправится на железную дорогу, как раньше, техником. Делами будет мотаться на линии, будет приезжать, и будем мы с ним ходить в кино. И по ночам иногда он будет писать по тем людям, которые... Одним словом, про хороших, понятных и простых людей. Потом выйдет книжка. И когда она выйдет, то не отпустит Виктора с линии, а скажут: — Работайте, Виктор Викторович, люди у нас очень интересные, напишите про них, не отвлекайтесь. А вашу книжку мы прочитали. Дельная, человеческая книжка. Очень рады, что вы — старый железнодорожник.

Она все говорила и говорила, ее глаза возбужденно и радостно блистали, а я смотрел на нее и казался о том, что я не железнодорожник-специалист...

Куда она ушла, я принимался перечитывать книги Виктора Викторовича. Конечно, он способный человек.

Вот тебе номер первый, дружище. Невесело? Погоди, есть у меня еще и номер второй и номер третий. Те, пожалуй, повеселее будут.

Будь здоров, пиши книжку, не заседай, как Виктор Викторович.

ГОЛОС ЧИТАТЕЛЯ: — Граждане комментаторы, подвиньтесь немножко — автора не видно.

АВГУСТОВСКИЕ НОМЕРА ЖУРНАЛОВ

Очередной номер журнала «Звезда» открывается новым романом Л. Фейхтвангера «Игнания». Значительная часть журнала посвящена памяти Мате Залка. Печатаются воспоминания товарищей Мате Залка по гражданской войне, по советской оборонной литературе и, наконец, воспоминания о доблестном генерале Лукаче, легендарном герое республиканской армии Испании.

Воспоминания о борьбе и героической смерти Мате Залка в Испании написаны Андреем Марти, Пля-и-Бельтрамом, Густавом Реглером, полковником П. А. Э. (воспоминания адъютанта), Луиджи Галло и др. Нужно отметить еще помещенную в журнале статью В. Перлина «Китай и Япония». Автор анализирует взаимоотношения обеих стран на протяжении многих столетий начиная со средневековья.

«Новый мир» в августовском номере печатает окончание «Ионанского дневника» М. Кошлякова, роман А. Дронова «Утро» и рассказы В. Ленина, П. Сухомы, А. Колосова и О. Рунова, а также окончание романа-хроник А. Дермана «Дело об иппуе Парфении». В отделе «Литература и искусство» напечатаны, среди других, статьи М. Вайсана — «Леса Украины», В. Перлова — «Исторические романы А. Толстого». Печатаются также статьи проф. Баллика «Орский над стражками философского жанра».

В поэтическом отделе «Нового мира» напечатаны переводы Б. Пастернака из Верлена, Рафаэля Альберти и Шекспира. Переводы Б. Пастернака из Верлена, Шекспира и Байрона печатаются также в августовской книге «Красной нови». В этой книге идет продолжение произведений Вл. Бахметьева «Наступление» и А. Макаренко «Флаги на баши». Новыми для читателей произведениями в беллетристическом отделе «Красной нови» являются пьеса в стихах А. Кочеткова «Коперник», рассказ Р. Фраермана «Юнг-Фа-Фу» и «Испанское лето» Норланды Гринга.

В «Октябре» продолжается печатание исторической эпопеи С. Сергеева-Пископа «Севастопольская страда» и заканчивается роман Ю. Снежкина «Огневая точка». Журнал продолжает печатание путевных записок советского инженера С. Соловьева, начатых печатанием в июльской книге. Из новых вещей в журнале печатаются повесть М. Некса «В чужих людях» и драматическая новелла П. Яльцева «Ана».

В августовской книге «Молодой гвардии» — продолжение романа Поля де Кюри «Ворота за жизнь» и запово переработанная повесть Е. Герасимова и М. Эриха «Шорс». Подлинным украшением «Молодой гвардии» являются публикуемые записки «Из дневника» Ф. Двержинского. Первая часть дневника была напечатана в № 9 «Молодой гвардии» за 1937 г. Печатаемые вновь записки относятся к 1909-09 гг.

КОНСТАНТИН ПАУСТОВСКИЙ МАЛЫШКИН

На дощатом крыльце сельской почты мальчишка-почтарь долго клеил на стену свежую московскую газету. Я ждал. С юга дуло жаром, несло пылью, запахом расклеванных осен. В сером небе стояли ватные сухие облака.

Я взглянул на последнюю страничку газеты, и будто чутунным кузакон кто-то стиснул сердце...

Умер Малышкин.

Вокруг было все то же, пылил все тот же любимый им бесхитрый русский день, но его, Малышкина, милого Александра Георгиевича, уже не было, и мысль эта была неслепой и горькой.

В Малышкине рядом с беспокойной, всегда оживленной, всегда взволнованной талантливостью жила большая житейская простота, жизнерадостность, любовь к людям, к писательству как к своему единственному мыслительному и прекрасному человеческому пути.

Если говорить о традициях большой литературы или, вернее, о традициях больших и простых, как сама земля, мыслей и чувств, то Малышкин был одним из немногих носителей этих традиций — поистине верным и непреклонным.

Все его писательство, вся его личная жизнь были порывом к счастью, — к счастью своей страны, своего народа. Этот порыв лучше всего передан им в небольшом рассказе «Поезд на юг» — одним из шедевров советской литературы.

В этом постоянном беспокойном порыве к счастью и познанию всего существующего Малышкин был похож на ребенка, — он был так же искренен, экспансивен, так же по-детски развился всему, что наполняло жизнь разумным и веселым содержанием.

Поздней осенью 1936 г. я приехал в Ялту и застал там Малышкина. Был вечер, но на следующий день ранним утром Малышкин разбудил меня и повел в горы. — Такая, говорил он, была придуманная им традиция — ходить всех, только что приехавших, в горы.

Спешное влажное утро с трудом пробивалось сквозь осенний туман. Желтые дубовые заросли стояли в росе. Малышкин шел рядом и почти не смотрел по сторонам, — он не спускал с меня глаз. Он

заставлял меня смотреть то на море, сильной тучей лежавшее внизу у наших ног, то на последний желтый преток, выросший на каменной дорожке, то на далекий водопад, казавшийся издали прядью белых нитей, брошенных на отвесные скалы, и вдруг засмеялся. — Он был рад, что ему удалось еще одному человеку показать этот удивительный мир. В эту минуту он был проводником по прекрасному, он приобщал меня к этой прикованной осени и был счастливым, что и его робкое солнце и горы, и терпкий воздух, и гул невидимого прибоя, бывшего в берега, что все это до меня «лохило», что еще одному человеку он смог передать хотя бы частичку тех чистых и ясных представлений, какими он жил в те дни.

Мы остановились на высоте скалы, туман прошел, и внезапно открылось море. Оно казалось ступенчатым воздухом этой осени, оно несло в полнотью мыслей, в корячьей земле виноградников прозрачную влагу и качало в ней отражение солнца.

— Да, — сказал Малышкин и покатил на море. — таким оно было, когда здесь еще не существовало Ялы, и таким оно будет, когда мы с вами умрем. Это очень радостно.

Эта простая мысль обычно вызывает у людей чувство собственного ничтожества, но Малышкин ощущал ее как нечто радостное и утверждающее жизнь.

Малышкин умер. Советской литературе нанесен жестокий удар. Исчезло ясное и простое очарование его ума, таланта и доброты. И бесконечно жалко, что он умер так рано, — ведь для Малышкина в последние годы начался его молодость, до этого жизнь была для него невесела и сурова.

Он умер, но Черное море шумит, как шумело при нем, и к нашим богатствам прибавилась еще одна ценность, оставленная нам Малышкиным — его великолепные книги и его высокое волнение перед зрелищем мира и настоящей, не выдуманной человеческой жизни.

Солотча, Рязанская область.

О СОЗДАНИИ ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Институт мировой литературы им. Горького предпринимает издание, которое должно сыграть крупную роль в деле изучения опыта советской литературы как литературы, открывающей собой новый этап в художественном развитии человечества. Речь идет о создании большой (размером в 60—80 печ. листов) и первой научной истории советской литературы. Издание предпринимается Институтом по поручению Академии наук СССР.

Трудно переоценить значение предстоящей работы. Хотя поручение создать историю советской литературы обращено к Академии наук СССР, избранной институтом им. Горького базой этой работы, но по сути дела оно обращено к советскому писательству и в первую очередь к критикам и литературоведам. Кто же другой, как не писатели и советские литературоведы, в состоянии выполнить эту громадную работу. Именно нам самим предстоит заново продумать, подвести итоги, систематизировать, свести к закономерностям то, над чем работали критики и литературоведы в одиночку, что разбросано в виде отдельных статей, мыслей по журналам, о чем думалось и говорилось часто в случае. Создание истории советской литературы должно повлечь некоторые итоги в разработке нашим литературоведением представлений о закономерностях в развитии советской литературы, об опыте и художественности, но в основе, о стиле, о категориях прекрасного, типического и т. д. История советской литературы в сжатом, собранном виде покажет нам, как сумела советская литература отобразить великую борьбу советских народов за социализм и формирование новой, социалистической личности в этой борьбе, и в какой мере сама литература участвовала в этих процессах.

Лучшие достижения советской литературы, образы народных героев и народной

борьбы за социализм, созданные великим русским писателем А. М. Горьким, Фурмановым, Серафимовичем, Фадеевым, Шолоховым, Островским, Толстым, Маяковским, Судейманом Стальским, Джамбулом и многими другими советскими писателями, поэтами, народными певцами, творчески рождалась также в обстановке борьбы. И не только читателю, но и самим писателям, сегодняшним деятелям нашей литературы интересно и поучительно будет заглянуть в неслыханное прошлое, чтобы познать наш тем, каким путем советская литература пришла к своим победам, почему одним писателям удалось создать образы, захватывающие воображение сотен тысяч читателей, другим удалось это в меньшей степени.

Впервые на арену истории вышел победителем тот новый герой, которого не знала мировая литература в прошлом, для изображения которого она не нашла традиций, которого она умела надеяться разве что на утопические, романтические. Впервые в истории литературы ее развитие идет таким бурным образом, каждый ее шаг по необходимости связан с изобретательством, с новаторством, потому что сам «материал» советской литературы представляет собой величайшее новаторство в истории. Мы должны с уважением оценить чистые усилия наших писателей заключить этот «материал» в литературные образы, найти ему соответствующее выражение, хотя, может быть, результат творческих усилий не всегда полностью удовлетворяет нас. С уважением и любовью к своей литературе мы должны написать ее историю. Литература, которую возглавлял великий Горький, которая сумела взрастить Маяковского, без громких слов, как ни отнюдь мы не можем критически к ее отдельным произведениям, есть переводчик отря мировой литературы, и разработка ее опыта, ее достижений будет иметь не малое значение и за пределами нашей родины.

Так же точно не следует недооценивать работу нашей критики и литературо-

ведения. Не мало сделано нашей критикой и с точки зрения подготовки к созданию истории советской литературы. Большую работу по методологической разработке наших знаний о литературе, по борьбе с вульгарным социологическим пролетом, в частности, и журнал «Литературный критик», накоплен немалый опыт товарищами, работавшими и работающими над созданием учебников по истории литературы. За последние время среди части критиков наметился отход от современных тем, от изучения советской литературы. Мы думаем, что предстоящий большой коллективный труд над созданием истории советской литературы послужит толчком для развития более углубленного изучения того, что сделано в литературе, что произошло и происходит в ней в великую эпоху социалистических побед.

Особенное значение этот труд — мы думаем — должен иметь для развития науки о литературе многих братских народов СССР. Разумеется, история советской литературы должна быть написана «как история всеобщая»: советская литература есть единая литература по своему социалистическому содержанию при всем красочном многообразии ее национальных и языковых форм.

Но если в русской литературе, украинской, белорусской, грузинской, армянской, азербайджанской и некоторых других кое-что сделано в области изучения развития этих литератур за советский период, то многие литературы только еще ждут своих критиков и исследователей. А. М. Горький придал весьма большое значение созданию исторических очерков отдельных советских литератур. Об этом Алексей Максимович настойчиво напоминал в своих письмах руководителям республиканских союзов писателей еще до всеобщего съезда писателей. Но мало что было сделано в этом направлении; и здесь враги приложили свою пошлую руку. Сейчас в связи с созданием большой истории всеобщей литературы мы неизбежно при-

ходим снова к давней мысли Алексея Максимовича о создании предварительно исторических очерков по отдельным литературам. Обобщение опыта отдельных советских литератур является необходимым условием к обобщению уже в масштабе всей советской литературы.

Академия наук отпущает институту им. Горького на организацию этих исторических очерков по отдельным литературам народов СССР значительные средства. Союз писателей отнесся к этому начинанию также со всей серьезностью. сразу оценив его принципиальное, политическое значение. Организация историко-литературных очерков идет навстречу плану союза писателей, касающимся связи с братскими литературами, изучения отдельных литератур, выпуска серии альманахов творчества народов СССР и т. д.

Союзом писателей уже предприняты первые практические шаги для содействия институту: бюро секции критиков командует ряд критиков и литературоведов Москвы и Ленинграда (назначено 16 командировок) для работы на местах о предстоящей работе по созданию истории советской литературы и для организации на местах авторских коллективов, которые напишут исторические очерки своих национальных литератур за советский период. Выезд критиков на места начался.

Уже одно это мероприятие Академии наук и союза писателей может приобрести важное политическое и научное значение. Выезд критиков в республику будет означать тот поворот к серьезному изучению литератур братских народов СССР, которого давно добивался еще Алексей Максимович. Ведь вся организация дела по изучению литератур братских народов СССР, по ознакомлению с ними русского читателя, а значит и всех читателей СССР, была поставлена до сих пор на рук вон плохо. В республиках за годы революции и особенно за годы сталинских палачков возникли пещеры научных институтов по изучению своей национальной культуры, литературы

и языка. В этих институтах уже выросла талантливая научная молодежь. Сотрудничество русских критиков и литературоведов с научными работниками и литературоведами братских республик на живой практической работе — создания историко-литературных очерков — без всякого сомнения будет благоприятным толчком к развитию обмена научным опытом между национальными литературоведческими институтами, послужит к обогащению наших знаний о советской литературе в целом.

В какой же стадии сейчас находится эта работа? Пока проходит подготовка организационных мероприятий (вызов, докладов, создания авторских коллективов, практического распределения работ и т. д.). Институт им. Горького переводит теперь внимание на создание основы всей работы, а именно — схемы-плана истории советской литературы. К этой работе был привлечен ряд критиков и литературоведов, занимавшихся современной литературой. Была создана комиссия по разработке схемы под председательством И. Лупола и в составе М. Сербянского, М. Розенталя, В. Карпютина, К. Зелинского, В. Гоффеншфера, Е. Тагара. В работе комиссии приняли также участие В. Перлов, А. Гурштейн и научный секретарь института М. Венгров. В результате полугодовой работы проект схемы вчерне готов. Проект предусматривает деление всего материала на 5 крупных частей. Название этих частей ждет представления об их содержании. Вот они:

I часть — «Главные черты советской литературы, открывающей новую эпоху в истории мировой литературы». Эта часть является по преимуществу теоретической. Она включает главы об идейном содержании и художественном методе советской литературы, общую характеристику форм и путей ее развития, главу о партии и литературе и большую главу о Горьком — основоположнике литературы социалистического реализма.

II часть — «Возникновение советской литературы» (1917—1920 гг.). III часть — «Первые литературные образы советских людей и советской действительности» (1921—1931 гг.). В основу периодизации истории советской литературы мы положили периодизацию, указанную товарищем Сталиным для написания истории ВМЛ(О), и постарались применить эти указания к своеобразию литературного развития. Мы соединили два периода в один, давняя его до лет решающего перелома в развитии художественной интеллигенции.

IV часть — «Развитие в литературе мотивов народного героизма» (1932—1939).

V часть — «Особенные черты в развитии литературы народов СССР».

Проект схемы предполагает главы, не только повествующие о самом ходе исторического развития литературы, главы, характеризующие нашу литературу со стороны ее идейного и художественного развития, но и главы, посвященные отдельным писателям, оказавшим своим творчеством влияние на развитие литературы народов СССР. Затем проект схемы предполагает включение отдельных глав, характеризующих развитие устного народного творчества, советской поэзии, драматургии, исторического романа, и наконец детской литературы.

После того как проект схемы получит одобрение всех членов комиссии Института им. А. М. Горького и будет обсужден в союзе писателей, он конечно должен быть полностью опубликован и послужит на обсуждение всех писателей, критиков и советской общественности. Создание большой научной истории советской литературы (в которой будет участвовать не один десяток авторов и отдельные части которой будут создаваться в разных концах страны) есть дело всей нашей литературы и должно прежде всего послужить к полному ее творческому сил и дальнейшему очищению ее от всего чуждого, вредного и мешавшего ее развитию.

В. ГОФФЕНШФЕР
К. ЗЕЛИНСКИЙ
В. ПЕРЛОВ
М. СЕРБЯНСКИЙ

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ЗАПИСИ

Четверг, 5 апреля 1890 г.

Год два тому назад я видел Ленского в роли Паратова. Его жизненная и тонкая игра произвела на меня такое впечатление, что с тех пор я искал случая выступить в означенной роли, думая, что мне удастся создать фигуру, по простоте и выдержанности сходную с тем лицом, которое играет Ленский. Мне казалось, что внешний вид, благодаря моей фигуре, выйдет еще эффективнее, чем у него. Я с удовольствием занялся изучением роли Паратова, заставив себя следующим образом. Паратов — барин, кутула, себялюбив. Он говорит громко, в мужской компании — оживлен. Вечно курит папиросы из длинной пипки. В манерах очень сдержан, особенно при женщинах. В него влюбляются не за страсть, а, напротив, за его холодное, самоуверенное спокойствие. До его появления, по рассказам Купцова, Вожеватова и других, оказывалось, что он — победитель сердец, человек, обожавший себя как-то загадочно и весьма интересным для женщин ореолом. Его все боится и, действительно, как же не боится человека, который с необыкновенным спокойствием стреляет из пистолета в стакан поставленный на голову любимой им женщины. Последняя так уверена в нем, что смело стоит под выстрелом.

Без таких людей, которые всей своей самоуверенной и спокойной фигурой внушают в себе доверие безгранично. Подобные, в сущности бессердечные, люди, создавшие силу свою и превосходство над другими, мало дорожат общественным мнением и позволяют себе эгоистичные, смелые выхлесты вроде описанной выше, или вроде той, которую он выкидывает с своим компаньоном Робинзоном, другом с которым компрометировал бы всякого другого, но не оригинала Паратова. Это тот же Ленковский, только больше барин. Один из тех людей, о которых много говорят, которых много ругают, только потихоньку, и с которыми считают за честь или удовольствие быть знакомыми, потому что это — своего рода знаменитость, — его весь горю знает. К тому же сам Паратов ставит себя слишком высоко и не во всяком случае брататься. Многие стремятся быть исключенным в этом случае и спешат записаться и удостоиться чести быть его собеседниками.

С женщинами он обращается, как кошка с мышкой. Он играет с ними, и это превращение времени оставляет его удовольствие, поскольку оно шепочет его самолюбия. Ведь приятно, если со всех сторон женщины в один голос признаются ему в любви. И он никого не обходит своим вниманием. Со всякой он считает нужным поиграть. Во время этой игры он сам принимает разные роли. Может быть, под влиянием вина или красоты женщины он способен быть искренним, но это не на долго. «Удар страстного увлечения скоро проходит», — сам же говорит он в конце пьесы. Если женщина ему изменит, он не скоро простит ей это, признается он в начале пьесы, и действительно, его самолюбие не простит такого охлаждения к себе. Одно известно о том, что Лариса, перед которой он очень виноват, выходит замуж за Карандышева, не дает покоя его самолюбию. Он не может примириться с мыслью, что ему изменили. Он должен успокоить себя и убедить в том, что это иначе, что Лариса любит его, а выходит за другого по необходимости. Он снова является в доме Огульцовой и принимает на себя роль оскорбленного имени. Слабая характером Лариса не выдерживает и признается в том, что шепочет самолюбие Паратова и заставляет его убедиться в своем превосходстве над Карандышевым.

Но и этого мало. Ему надо совсем придать этого жалкого чиновника, который позволил себе вступить в спор с ним, с Паратовым. Для этого ему не стоит и возвышать голоса. Все знает, как опасно с ним иметь дело, а Огульцова, старуха, понадеясь на лучшее друзей, заставляет Карандышева просить у него извинения, за что — и сама не знает, только чтобы забыть сцену, которая бог знает чем кончается. Ведь Паратов не простой человек, он, если захочет кого проучить, так на неделю юма запирается да казнь придумывает. Глумление над Карандышевым, с одной стороны, цыганская песня, спетая Ларисой и замешанная в Паратове мгновенную, скотскую страсть, с другой, заставляют нашего бессердечного героя идти дальше, т. е. признаваться в любви Ларисе и увести ее от жениха катаясь по Волге с полуцыганкой оравой.

Второй акт шел оживленнее и глаже. В этом акте я старался показать ту фигуру, которую я задумал. Игра совершенно без жестов, очень не спеша и с расстановкой. До некоторой степени у меня в этом акте разграничилась роль (как в «Горькой судьbine», «Валюне» и некоторых других). Перед своим входом я делал маленькую паузу. Мне все кажется, что благодаря этим паузам зритель несколько притупляется к появлению того лица, которого с нетерпением ожидает.

К. С. Станиславский.

Вот как я понял роль и начал вести ее на репетициях. Полагая, что сразу не освоюсь с этим сложным типом. Повторю также, что без грима, костюма нельзя и понятия о нем на репетициях. В простом чтении, где слушатель своим воображением дополняет и рисует себе внешность, скорее можно было бы понять мой план. И действительно, так и случилось. После всех сличков меня многие хвалили. Между прочим, Лопатин выразился, что ему очень нравится, как я читаю эту роль. Безличный режиссер Рабов, в котором я разочаровался, ничего не говорил при первом, говорил, как другие. А другие на репетициях заговаривали совсем не то, что при сличке. Пошли споры и восклицания, что я не так веду роль, что мои паузы и отсутствие жестов смешны и портят роль, что я изображаю сонного Паратова, который, не любя Ларису, является к ней в дом кислый, целует, как мамля, ее руку. Потом обманывает ее. Таких людей, по словам моих оппонентов, из всякого бы дома выгнали в шею. Меня спугнули, сбили составленный мною план. Обяснить слова-

подготовленный предшествовавшим разговором о нем. Войдя, я сразу вижу тетушку. Остаются только складывая руки (как бы говоря: «Боже мой!!! Кого я вижу»), и медленно гваю голову, улыбаясь, открывая свои верхние большие зубы. Пауза. Идет сцена с тетушкой. Тут я очень спокоен. В движениях несколько небрежен и ленив. Медленно сажусь, медленно вынимаю папиросу из кармана брюк, также не спеша закуриваю папиросу, оставляя спичку догорать в руке, потом сразу и резко тушу и кидаю ее. Тон с тетушкой принимаю несколько купеческий (Виктор Николаевич Мамонтов таким тоном разговаривает с мамашей), таким же тоном разговаривают и в «Стрельбах» с старухами, мамашами цыганок, с которыми якобы находившись в давнишнем и дружеском знакомстве. После ухода Огульцовой я медленно встаю. Не спеша бросаю папиросу, тушу ее ногой и похложу к фортепиано, где лежат ноты. Их разглядываю. Пауза.

Входит Лариса, идет ко мне. Я поворачиваюсь, но руки ей не даю, а просто кланяюсь. Тон и голос сразу меняются. Я делюсь серьезнее, говорю на более низком тоне. В тоне слышится нето обила, нето зыблительность. Длинный монолог, заканчивающийся отрывком монолога Гамлета, я стараюсь вести как можно легче, как бы говоря при этом, в скользящем, монотонном звуке сразу обрываю на верхней ноте. Делаю паузу, не смотря, и резким движением бросаю мушкетер на стол, делая шаг в сторону и небрежно договариваю: «И так далее». Когда Лариса открывает, что все еще любит Паратова, я делю режий шаг и сразу беру ее за руку. Пауза. Лито проследается, и только тогда следует восклицание и дальнейшее слова. Это несколько итальянская манера а la Masini. Но в роли Паратова она мне кажется очень уместной, потому, что оригинальнее, как и сам герой. Принуждая Ларису признаться в любви ко мне, я искренен и веду эту сцену со страстью. Мне более повышается тон, когда я, после признания, благодарю ее за поспешество. Далее опять маленькая пауза, я делюсь спокойнее, хотя известная мягкость меня не покидает, но это не заметно. Первый порыв прошел, и я лениво тянусь за спичкой, зажигаю, достаю папиросу, закуриваю, не переставая молча и зыбка бросать взгляды на свою собеседницу. После этой паузы тон опять меняется и делюсь намертво и едким. Является Карандышев, меня знакомит с ним. Я не сразу встаю, потом оглядываю его с ног до головы и рекомендую ему спинку к публике.

Вся следующая сцена ведется небрежно и шутливо. При вступлении в разговор с тетушкой у меня опять является тот тон, в котором велась с ней сцена, и каждый раз, как Карандышев вмешивается в наш разговор, я изменяю (но не резко) выражение в лице, приталывая глядя на него, делая паузу и только тогда возвращаю ему. Сору с Карандышевым я веду без всякого повышения голоса, но нервно. Очень вышительно и с расстановкой произношу слова, как бы вталкивая их ему. Ссора кончается, и Карандышев приглашает меня обещать и жмет ответа. Я не тороплюсь и прежде доканчиваю закуривать папиросу и только тогда, кидая на пол спичку, отвечаю на приглашение. После появления Робинзона я стою у двери с бокалом в руке, облокотясь о притолоку, улыбаясь или небрежительно смотря на Карандышева.

После второго акта довольно лениво вызывали всех один или два раза. Третий акт я не люблю. Особых делательных мест у меня нет, и все мое внимание устремлено на то, чтобы играть как можно живнее, без жестов и оглядываясь своих сонных товарищей артистов. Главное внимание сосредоточивается на мимике во время пения цыганской песни и на любовной сцене с Ларисой. Тут я играю во-всю, стараюсь быть искренним, иначе Лариса не поверит Паратову, но только что сцена кончается, и все входит, я предспойно заявляю: «Она согласна». Это для публики, чтобы она поняла мое притворство в предшествующей сцене. После третьего акта я не выходил. Заканчиваю пьесу Фелотом, так что довольно сильные аплодисменты (три, четыре раза) относились к нему. Публика его очень и очень дружно вымывала, а играл он часто, с жагом и очень рутинно, как обыкновенно и все играют эти роли. Меня не вымывали. Правда, не было такого вызывного места, к тому же я играл если и не совсем хорошо, то по крайней мере не рутинно. В последнем акте из-за участия пняган я мушкетер и к своему выходу не успел сосредоточиться. Но в этом действии не много дела, оно очень покойно. Уставив Ларису, я перешел к столу и рассматривая делая шаг на нем журналы. Это я делал для того, чтобы легче и не так сосредоточенно говорить несколько напыщенный монолог, вложенный почему-то в уста Паратова в такой момент, как четвертый акт. Во всю сцену с Ларисой я не делал ни одного жеста и все время курил папиросу, лицом выражая нетерпение и скуку. Был очень холоден, однако перед тем, как уйти, выказал маленькую долю смущения и, как бы не решаясь, простоял несколько секунд прежде чем уйти совсем. Ведь Паратов все-таки человек, и ему присущи некоторые человеческие чувства.

Вызывали по окончании довольно дружно два три, четыре. Я вышел один раз и побежал гримироваться.

МНЕНИЯ

Рабов хвалит, по очень сдержанно. «Я не судья», — говорил он, — я слишком приглядываюсь и потому придираться». Паузы в первом акте, конечно, как рутьер он не хвалил. Я его видел только после первого акта. Фелотова хвалила на репетиции всю пьесу и все тону. Я ей очень нравился в военной фуражке. — «Красота и загляденье!» — выразилась она. За «Тайну женщины» она хотела мне расписать и долго по окончании, говорит, ждала моего выхода, но я опоздал. К слову сказать, Фелотова три раза без приглашения смотрела «Бесприданница» и в третий раз надела с собою много гостей.

Третьяков хвалит: он в первый раз смотрит наш спектакль, не участвуя в нем, и остался страшно доволен. «Если мы так играем все пьесы, то я успокаиваюсь», — заключил он, — так играть стоит».

Вот как я понял роль и начал вести ее на репетициях. Полагая, что сразу не освоюсь с этим сложным типом. Повторю также, что без грима, костюма нельзя и понятия о нем на репетициях. В простом чтении, где слушатель своим воображением дополняет и рисует себе внешность, скорее можно было бы понять мой план. И действительно, так и случилось. После всех сличков меня многие хвалили. Между прочим, Лопатин выразился, что ему очень нравится, как я читаю эту роль. Безличный режиссер Рабов, в котором я разочаровался, ничего не говорил при первом, говорил, как другие. А другие на репетициях заговаривали совсем не то, что при сличке. Пошли споры и восклицания, что я не так веду роль, что мои паузы и отсутствие жестов смешны и портят роль, что я изображаю сонного Паратова, который, не любя Ларису, является к ней в дом кислый, целует, как мамля, ее руку. Потом обманывает ее. Таких людей, по словам моих оппонентов, из всякого бы дома выгнали в шею. Меня спугнули, сбили составленный мною план. Обяснить слова-

ПРАВО НА ЛИРИКУ

Я долго думал мысль написать героическую оперу о славных делах советского народа. Мне внимание привлекали великие дни гражданской войны. Не раз заглядывалось, впрочем, глубокое сомнение: по силам ли будет мне эта народно-героическая тематика, ведь в своем творчестве я шел главным образом путем музыкальной лирики. После долгих раздумий у меня появилось твердое убеждение, что наша советская героика и лирика не исключают друг друга, а выразительно и плодотворно сочетаются.

В самом деле: разве великие дела и люди гражданской войны могут быть запечатлены только в монументальных полотнах? Разве эти незабываемые дни не познаются в простых чувствах отдельных людей из народа, в их простоте, и в этой простоте полнокровных, делая? Вспомним, гениальное «Слово о полку Игореве», где тончайшая поэтическая лирика служит блестящим средством выражения героики.

Вопрос о музыкальном языке будущей оперы был решен. Нужен был еще сюжет, который соответствовал бы осуществлению моих замыслов.

Я остановил свой выбор на романе П. Вирта — «Одиночество». Это литературное произведение не претендует на показ великих дней гражданской войны в России. Перед читателем — небольшой театр военных действий: митинг Антонова на Тамбовщине. В романе действуют взятые из провинциальной тамбовской крестьяне и через их переживания, через их чувства правдиво показаны победный путь революции, победа дела Ленина — Сталина.

Родина моя — Тамбовщина издавна славилась своими песнями и предоставила для моего творчества неисчерпаемые богатства музыкально-песенного фольклора.

Так зародилась у меня идея оперы «В бурю», которую я только что закончил. В работе над оперой вплотную встал вопрос о либретто. В моем распоряжении был роман Вирта и сделанная по роману пьеса «Земля». Теперь имеется и оперное либретто на ту же тему «В бурю». Либреттистам — А. Файко и Н. Вирта — пришлось преодолеть огромные трудности. В романе изображено, как формировалось революционное сознание крестьянских масс. Если все это сравнительно легко сохранить в драматургической форме, то при создании либретто — именно здесь лежат главные трудности.

Все это мне стало ясно, как только пришлось принять посильное участие в литературной работе либреттистов. На небольшом, сильно урезанном против романа и пьесы, фактическом материале нужно было дать по возможности полные характеристики действующих лиц.

Наконец, исходя из общего замысла оперы, как музыкальной лирической драмы, в либретто нужно было значительно усилить лирические элементы.

Песенный материал, обильно введенный в либретто, стал тем фоном, на котором мне казалось наиболее удобно строить характеристики действующих лиц. С этой целью я широко использовал хорошие песни.

Не мне судить, насколько удалось нам либретто оперы. Для меня ясно теперь одно: композитор, пишущий оперу, не может оставаться безучастным к либра-

турным трудом либреттистов. Текст либретто «В бурю», дающий для композитора исключительно ценный материал, передается больше десяти раз. Особые трудности были связаны с композицией той исторической сцены в Кремле, когда тамбовские мужики приходят за правдой к Ленину. Мы отстали в изображении этой сцены весьма оперную условность.

В окончательной композиции либретто принял большое участие В. И. Мейерхольд-Данченко, который оказал нам своим опытом очень ценную помощь.

Остается рассказать об идеях, положенных в основу музыкальной трактовки сюжета.

Я уже писал, что «В бурю» при всем лиризм является по своей природе народно-героической оперой. Этим, однако, я вовсе не хочу сказать, что мне пришлось следовать чисто формальным законам оперной героики. В буржуазном музыковедении существует попытка построить теорию о трех музыкальных формах, которые «достойны» героического содержания.

Эти чисто формальные теории всегда напоминают мне пресловутые учение о художественных законах ложноклассической трагедии, о «благородных» героях и высокопарном, напыщенном языке, якобы необходимом для изображения возвышенных чувств.

Стати сказать, и у нас в отдельных высказываниях музыковедов проскальзывают порой отголоски тех же формальных теорий о «нормах» для героического.

Мы уже говорили, что лирическая музыка имеет все права на полноценное существование в героической опере. Вопрос о больших и малых формах будет решаться, конечно, не внешней классификацией тех или иных кусков партитуры, а внутренним их содержанием, их идейно-музыкальной и героической значимостью, неуловимо от того, будут ли это арии, дуэты или песни.

Как решалась задача музыкальных характеристик сценических персонажей?

Излюбленный во многих произведениях мировой музыкальной литературы прием характеристики лейтмотивами в данном

В издательстве «Молодая гвардия» готовится к печати книга А. М. Горького «Рассказы» с иллюстрациями художника Б. Декстера. На снимке: заставка к рассказу «Взвешив люди».

Не нос, а характер

Мирон: Ну, что мне делать с мом не носом, а характером, когда я хочу бы знать душу всего человечества!

(Из пьесы драматурга Н. Архипова).

10 июля в фельетоне Г. Гаврилова «Должное дело» было сказано о драматурге Н. Архипове следующее: «...Н. Архипов утратил мощный картель по экспозиции неиспользованных богатств сокровищницы мировой драматургии. Картели, в который поэзии Н. Архипова (он же Зайцев, он же Массальский) входят его жена и В. Ивановна, приятельницы О. Полякова и И. Виноградова, развлекли энергичнейшую деятельность юмистов великих покойников. Действительность картеля охвачено свыше 30 пьес...».

Наших редакцию посетил сам Н. Архипов — очень обиженный, крайне задетый и едва сдерживающий свое возмущение. Как говорит некий герой в пьесе Архипова, «сколько слез и внутренних слез захлестало в душе!».

И мы устыдились. Как плохо, как скверно получились! Мы по невежеству приписывали Н. Архипову операции с одними лишь классиками, а оказывается, не таких Н. А. Архипов. Оказывается:

— Кто написал пьесу «Курорт»? — Архипов.

— Кто сочинил комедию «Точка и многоточие»? — Архипов.

— Кто — «Техника решает»? — Он же, Архипов.

— Кто — «Козлы в огороде»? — Архипов.

— А «Владимир Дубровский», по мотивам да, по мотивам Пушкина, — чья это пьеса в четырех действиях? — Опять же Архипова.

Это странно, товарищи! Мы жили, горя не знали, а приходил человек и приносит справку с печатью о том, что в Управлении по охране авторских прав «охранялись и охраняются» его «оригинальные» 16 пьес... Автор «Горя от ума» сочинил не много, а о нем благодарный потомок Н. Архипов настроил драму в пяти действиях — «Александр Грибоедов», между тем как об авторе 17 пьес ничего не написано! Ни даже статьи, ни какого-нибудь хоть фельетона...

Все это выразил нам Н. А. Архипов, и вот мы исправляем ошибку. Снова прибегая в алмазному фонду сочинений Архипова, скажем, как его герой: «Быть может, мне иногда нужны и ошибки, ибо они могут послужить трамплином к дальнейшему успеху...».

Итак, дальнейшие вальсы... Мы прочитали очерковую, новую, семнадцатую пьесу Н. Архипова «Два друга». Выше уже приводились образцы чеканного слога — они взяты из этого произведения. Сейчас мы вынимем из пьесы небольшой диалог. Ученый, «почти гениальный» химик Леонид Рузницкий, недолговольно поведением своей жены, грустит, задумчиво много думает, теряет интерес к работе. Известно из текста пьесы, что «Леонид, будучи человеком большого дарования, в то же время очень не всегда уравновешен». Вот беседа Леониды с Николаем, его закадычным дру-

случае был сознательно отброшен. Мне кажется, что лейтмотив оправдан тогда, когда он либо характеризует идею, как скажем, у Вагнера, либо является частью лейтмотивной, изобразительным моментом, как, например, во многих операх Римского-Корсакова. В применении лейтмотива при музыкальных характеристиках реальных живых людей, мне кажется, таится опасность некоей «автоматизации» героев, превращения их в статичные фигуры, в застывшие маски.

Задача, которую я преследовал, заключалась в том, чтобы музыкальные характеристики всей оперы, чтобы образы героев были даны в действии, в непрерывном развитии.

Если большевик Листрат возникает с первых же страниц партитуры, как образ вполне определенно, устойчивый, то фигуры других героев из народа — Фрота, Ленки, Натальи, — постепенно приходящих к признанию большевистской правды, — и в музыке по-разному показаны на разных этапах своего развития.

Сергей Фрол, скептически воспринимавший коммунист и даже попадавший на уловку кулацкой тематике, нарисован охрипшими красками. Этими красками автор пытается изжить прощически осветить заблуждения Фрота. Совсем по-другому — мужественно и проникновенно звучит музыкальная речь Фрота, когда он до конца осознает правду советской власти и вырывается в стойкого борца-гражданина.

То же самое нужно сказать и о музыкальном построении образов Ленки и Натальи.

Проблема такой музыкальной портретной «живописи», поиски для нее ярких, доходчивых, понятных массам средств и приемов музыкальной характеристики, обединение мыслей и чувств всех действующих лиц из народа в едином стремлении к правде, к делу Ленина — Сталина, закономерная и неизбежная победа революции, — вот основные, очень трудные, но почетные задачи, которые я пытался решить в музыке оперы «В бурю».

С. НАГОРНЫЙ.

Избушка старушка

Шел по улице мальтук, поспел и весь дрожал. Шел этот мальтук по улице города Ростова. В дрожащих руках держал он пеструю книжку с невзрачным названием «Теньтик».

Начинался «Теньтик» следующим образом: В избушке на опушке Жила-была старушка. Старушка избушка была, как все избушки. Избушка старушка была как все старушки...

От «избушкиной старушки» мальтук поспел. От всего прочего он задрожал. А дождав до конца, пошел по улице жаловаться на автора книжки В. Жак и на Ростиклат.

От «Теньтика» может поспел и во мальтук, а в дрожь бросает самого впечатлительного читателя. Все произведение несет аляповато-мистический характер. Избушка старушка всего боится:

Боится злых разбойников. Боится всех покойников и т. д. и т. п. и пр.

Так прямо и написано — «всех (!?) покойников». Неужели всех?

Но вернемся к нашей старушке. Как пишет автор, «под вечер было дело». Первая старушка, пытаясь растопить печь, услышала, как «страшнейший господин» поет что-то угрожающее на слова В. Жака.

Тут сидит Теньтик. Сильный, могучий и т. д. — поет голосина.

Старушка испугалась и убежала. Тут случился добрый молодец, гой-еиш прохажив. Он лихо полез в печь, потом на крышу и обнаружил там... «Теньтика», заданного на словой шишке урода, питающего пристрастие к сложным рифмам («Не заденьте-ка меня, Теньтика»). Однако прохажив затеял словового духа, и ветер уносит Теньтика. Вот и все.

Вымученная, искусственная, неумно придуманная ситуация!

Засим следует моральте, написанное особенно плохими стихами: Помни, друг, так бывает в многих делах, — Разговоры и страхом сколько! А подходишь поближе, осилив страх, И смеешься: да это же Теньтик — и только!

Конечно, это «Теньтик» — и только!». Но смеяться тут нечего.

«Теньтик» издан тиражом 20.000 экземпляров. Бумага очень хорошая. Этого нельзя сказать об ответственном редакторе книги А. И. Бусиной. Стоит каждый «Теньтик» 2 рубля. Страниц 13. Книга богато иллюстрирована художником В. Барыковым.

Настоятельно не рекомендуем ее юному читателю.

БРАТЯ-ЧИТАТЕЛИ
Литературная газета
№ 44 — 5

МЕЖДУНАРОДНАЯ АССОЦИАЦИЯ ПИСАТЕЛЕЙ В ЗАЩИТУ КУЛЬТУРЫ

Недавно в «Клубе наций» в Париже проходила чрезвычайная международная конференция писателей, посвященная защите культуры.

Внесенная была следующая резолюция, принятая единогласно:

Писатели, собравшиеся 25 июля 1938 г. в Париже, одобряют деятельность Международного секретариата и обязуются работать в высших интересах мира во всем мире:

1) крепить узы между народами для усиления культурного обмена между странами; 2) популяризировать в особенности культуру народов — жертв агрессии или находящихся под угрозой агрессии (Китай, Испания, Чехословакия);

3) обеспечивая индивидуальную помощь писателям, ученым и художникам республиканской Испании путем ежемесячной посылки им продовольствия, табаку, бумаги, нотной бумаги, красок и т. д.;

4) организовать прием писателей, ученых и художников, изгнанных из отечества фашизмом или иными захватчиками;

5) популяризировать великие человеческие ценности искусства, литературы и науки всех времен, отброшенные фашизмом на их родине;

6) осуществляя издание книги в пользу жертв нападений в Китае и книги в пользу детей испанских детей во всех тех странах, где законы еще позволяют уму не действовать наперекор сердцу.

Конференция намечает в принципе созыв 3-го Международного Конгресса ассоциаций в 1939 г. в Мексико и в Нью-Йорке и поручает Международному Секретариату провести это в жизнь.

ЧЕШСКИЕ ОПЕРЫ НА РУССКИЕ ТЕМЫ

Выходящий в Праге двухмесячник «Центральная Европа» поместил в последнем номере любопытную заметку о чешских операх на русские темы.

ХРОНИКА

— Жорж Давид, антифашистский французский писатель, автор выходящих в русском переводе романов «Парад» и «На перевале», выпустил в «Эдинбург Социаль Интернациональ» новую книгу — «Паскаль».

— В Париже демонстрируется сейчас фильм «Беллет парсе одинокий». Один из виднейших французских критиков, Жорж Садюль, пишет об этом фильме:

«Наконец я просмотрел «Беллет парсе одинокий» Легошина. Для критика, которого вот уже несколько месяцев пытаются американскими ловельниками кинофильмами, это произведение советского искусства — острое, открывающее доступ свежести ветру правды и свободы. Я отдал бы всю американскую продукцию последних 12 месяцев, все ее волевали с миллиардерским соусом, чтобы иметь возможность посмотреть еще один советский фильм, такой же свежий и богатый красками, как эта картина Легошина. Кинематография СССР — первая в мире».

МАЛЕНЬКИЙ ФЕЛЬЕТОН

«...Начинаем передачу для дошкольников... Сейчас, ребята, прослушайте литературно-художественную радиоконпозицию «Володя и Поля в огороде и в поле».

Музыка. Песня: Пусть узнают все ребята, всем ребятам расскажем: В чем отличие пшеница от салаты и салата От пшеницы, вики, ржи. Припев: Лук-порей, лук-порей, Это значит сельдерей.

Поля: (восторженно) Ой, Володя, какая картошка!

Володя: (расудительно) Да, Поля, это действительно большая картошка.

Поля: (с интересом) А почему она такая большая?!

Володя: Видно, Поля, за ней был самый тщательный уход. По всей вероятности ее во-время окучивали.

Поля: Ой, Володя! А как это окучивают?!

Володя: Очень просто. Ты берешь эту штыку и делаешь сначала так, потом так и потом снова так... Таким образом клубням создаются условия для лучшего развития.

Поля: Ах, как это интересно!.. Я прямо не могу!.. А это что — длинная, желтая, похожая на морковь?!

Володя: Да это же морковь и есть.

Поля: А почему она не на ветке... Володя: Ах, Поля, какая ты смешная. Да-ха-ха. Морковь это корнеплод. Как и у всякого корнеплода, у нее плод развивается в земле, вместе с корнем.

Поля: А-а-а!.. А я не знала.

Володя: Теперь будем знать. Имей в виду, что и корнеплодом относятся морковь, репка, сельдерей, петрушка, картофель, турнепс и многие другие овощи...

Литературная газета 6 № 44

Юные моряки Мариупольского двора пионеров совершают поход на парусно-моторной шхуне «Ленин» по маршруту Мариуполь — Севастополь — Мариуполь. В Севастополе юных моряков посетил писатель Леонид Соболев, прочитавший им свой рассказ.

ПО СТРАНЕ СОВЕТОВ

Искусство Чувашии

Вы едете по прекрасным дорогам, обсаженным густым кустарником, деревьями, малинником. Это прославленные дороги орденосной Чувашии. Ровные, как стрела, замечательно благоустроенные дороги, любовно созданные чувашским народом — живое свидетельство культурного процветания некогда отсталой страны.

Враги народа всячески старались подорвать культурное строительство молодой советской республики. Сколько отвратительного и подлого сделал один только Максимов-Кохкинский, орудовавший в чувашском академическом театре.

Не выпало! Советская разведка вскрыла враждебные махинации Кошкинского. Чувашское искусство, вопреки вражеским прощам, продолжает жить. Но было бы неправильно говорить, что уже полностью ликвидированы последствия вредительства.

В Чувашии немало талантливых художников. Но творчество их мало кого заботит. Пять чувашских театров, Филармония, три художественных училища безусловно могли бы открывать таланты, пестовать их. Однако театры Чувашии, в особенности русский филиал Чувашского государственного академического театра, не удовлетворяют растущие культурные потребности зрителя. Государственный академический театр, Театр юного зрителя и три колхозных театра не ведут правильной репертуарной политики. Советская пьеса на современную тему — редкий гость на подмостках театров. Театры не работают с драматургами, и количество чувашских советских пьес крайне мало.

Воспитание актеров, пришедших в большинство из колхозных кружков, ведется несерьезно и примитивно. В русском филиале Государственного академического театра есть способные актеры, но большинство из них играет «на нутре», не знает настоящей сценической техники. Мы видели «Огелло» в русском филиале театра. Это глубоко провинциальный спектакль. Огелло (Огонев) был похож на Несчастливцева и мелочно заколоушился книжломом, «по-честному» катился по всем шести ступеням дворцовой лестницы. В чувашской труппе есть актеры большого дарования (Метиков, Ургалин, Семенов, Иванов). Спектакль «На дне» показывает, что русская классика легко осваивается чувашскими актерами. Но и в этом спектакле игра некоторых актеров вызывает недоумение. Барон, например, ведет себя на сцене как мелкий жулик.

Колхозные театры Чувашии до сих пор не пользуются должным республиканским вниманием по делам искусства. Да и это Управление выглядит очень неприятно. В нем девять человек, из них шесть — финансово-счетные работники. Это казначейство, бухгалтерия, а не творческая организация!

Колхозные театры, приехавшие в Чебоксары на гастроли, были встречены самым недружелюбным образом. Чинювский из Управления по делам искусств делал все, чтобы сорвать выступления приехавших театров. Несмотря на это, колхозные актеры настроены бодро, полны воли к труду. Это настоящие энтузиасты, ведущие социалистическое искусство, это рабочие и крестьяне, любящие жизнь, родину, великое искусство Страны Советов.

У чувашской Филармонии есть симфонический оркестр, великолепный хор народных песни, коллективы и ансамбли, духовый оркестр. Но руководители Филармонии Болдырев занимается главным образом неудачными финансовыми комбинациями. Творческие работники Филармонии с негодованием говорят о своем руководстве, утонувшем в хозяйственных мелочах и признающем единственный метод работы — обирок, административный нажим. Директор симфонического оркестра Г. Багадатов мало думает о популяризации советской музыки. Концерт, посвященный Дунаевскому, был проведен халтурно, программа составлялась уже на самом концерте. Чувашия и издательство «Искусство» (Москва) не выпускают чувашских песен — старинных и современных (а их особенно уже слыше 400).

В Чувашской АССР есть свои композиторы — Иваншин, Хибриков, Орлов, Лысков, Воробьев и др.; свои драматурги — Осипов, Белов, Ялманпи, Агазов и др.; свои художники — Спиридонов, Быков... Их надо по-настоящему, серьезно воспитывать и заботиться о них.

В Чувашии есть талантливые люди, есть литература, есть театр. Партийные, республиканские советские организации только теперь вплотную занялись искусством. От их умения руководить, от их организаторских способностей зависит успешность развития чувашского искусства, у которого есть все условия для роста и процветания.

С. РОЗЕНТАЛЬ

Чебоксары

КЛУБ ПИСАТЕЛЕЙ ОТКРЫВАЕТСЯ 15 СЕНТЯБРЯ

В клубе писателей идут сейчас архитектурные и реставрационные работы под руководством архитектора А. Бурова.

Библиотека клуба пополнилась 5000 книг, главным образом на исторические темы. Библиотечный фонд сейчас достигает 60000 томов.

15 сентября намечено открытие зимнего сезона. Клуб писателей будет проводить «клубные дни», творческие вечера, встречи с работниками искусств, военными и научными работниками.

10 сентября при клубе писателей откроется ресторан.

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ О ГОРЬКОМ

В Козьминский район Польшаны выехала экспедиция Цотавского государственного музея, чтобы собрать материал о пребывании Горького в селах этого района. Экспедиция работала в Мануйловке и Голтве. В Мануйловке приобретены интересные фотографии времен пребывания Горького, декорации драмкружка, организованного Горьким. Директор Мануйловской школы Т. Гаркавенко позарисовал музею скрипку, которую Горький купил драмкружку в 1900 г.

В Голтве экспедиция сфотографировала все места, описанные в «Горькие в Голтве». Учительство и колхозники активно помогают экспедиции.

КНЭВ. (Спец. корр.)

АНТОЛОГИЯ КАЗАХСКОЙ ПОЭЗИИ НА УКРАИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Казахские советские писатели внесли предложение издать на украинском языке антологию казахской революционной и советской поэзии. Поэты П. Тачина и М. Важака, которые были во время юбилея народного певца Джамбула у него в гостях, приветствовали предложение казахских писателей. Такая антология, заявили они, будет большим культурным вкладом в украинскую литературу и еще больше укрепит связь украинского и казахского народов.

Секретариат ССН Украины решил издать антологию казахской поэзии на украинском языке и сборник избранных произведений классика казахской литературы А. Бай. Секретариат обратился с просьбой к Гослитиздату Украины включить обе книги в издательский план на 1939 год.

Новый учебник для вузов по истории белорусской литературы

Группа научных сотрудников литературы и языка Белорусской Академии наук работает над новым учебником по истории белорусской литературы для вузов.

К участию в составлении учебника привлечены преподаватели педагогических институтов, а также писатели З. Вядуля, Крапина, К. Черныш, критики Климович, Кучар и др. Учебник будет готов к печати в январе 1939 года.

Одновременно Институт литературы и языка Академии наук БССР готовит к печати синтаксис белорусского языка для вузов. Этот учебник выйдет в октябре месяце текущего года.

ФИЛЬМ, ПОСВЯЩЕННЫЙ ПОЭТУ ОВ. ТУМАНИАНУ

Арменки закончили и выпустили на экран фильм, посвященный великому армянскому национальному поэту Ов. Туманяну. Это короткометражный киночерк о творчестве поэта и его роли в общественной жизни Армении. Фильм демонстрируется на экранах Еревана и других городов Армении.

УМЕРЛА ГРУЗИНСКАЯ ПИСАТЕЛЬНИЦА Е. Р. ГАБАШВИЛИ

ТБИЛИСИ. 6 августа. В селезнии Цители-Калаки в возрасте 87 лет скончалась старейшая грузинская писательница Екатерина Ревазовна Габашвили.

Первая статья Габашвили о сельских школах была помещена еще в 1870 году в газете «Дроба» (Время). Затем она писала повести и рассказы, которые стали появляться в печати с 1881 года. Наряду с литературной деятельностью Габашвили вела широкую культурно-просветительную и педагогическую работу.

Для организации похорон, принятых за счет государства, создана правительственная комиссия.

Книги баснословной цены

Самой дорогой книгой на революционном русском рынке была книга И. Кондакова «Византизмские эмали» (СПБ. 1880—1892 г.), представлявшая собой описание богатейшей коллекции частного собирателя А. В. Звенигородского. Большой том, отпечатанный в типографии М. Стасюлевича, украшенный великолепно выполненными репродукциями эмалей и изданный на русском, французском и немецком языках (по 200 экз.), не имел продажной цены, так как, по словам издателя Звенигородского в предисловии к книге, «ни один экземпляр не будет находиться в продаже». На печатание 600 экз. этой книги было потрачено 130.000 рублей. В антикварных каталогах Шибанова издание это было расценено в 700 рублей.

Величайшая редкость русского типографского искусства «Апостол», напечатанный в Москве в 1563—64 г. Иваном Федоровым и П. Т. Мстиславцем, расцененный максимально в 500 рублей. В такой же сумме «котируются» шеститомные «Древности Российского государства» Ф. Солнцева (М. 1849—1853 г.) и др. Особняком стояло радищевское «Путешествие из Петербурга в Москву» (1790 г.), за которое еще в 1888 г. предлагали 1500 рублей (см. «Русские Ведомости», М., 1888 г., № 56). Исключения составляли также «Русские народные картинки» Д. Ровинского (СПБ. 1881 г.), состоявшие из 5 томов текста и 7 альбомов, цена на которые доходила до 1000 рублей.

На большинство же редких изданий цены стояли сравнительно невысокие — до 100 рублей. Исключение составляет один случай, записанный в анналах русской антикварной торговли. Речь идет о продаже в 1895 г. из антикварного магазина П. П. Шибанова в Москве рукописного «Декамерона» Боккаччио на итальянском языке, с 85 иллюстрациями во весь лист, исполненными красками и золотом. Его приобрели за 40.000 рублей. Но этот случай, повторяем, исключительный и никак не характеризует революционный книжный рынок в России.

Низкая издательская и книгопродавческая практика существовала и существует за границей. Распознать в довоенное время весьма совершенной техникой полиграфического производства, многие зарубежные издательства работали в основном не на широкого потребителя, а на рафинированных покупателей-одиночек.

Характерен в этом отношении выпуск в 1909 году в Америке полного собрания сочинений Ч. Диккенса в 130 томах. Это издание было начато на пергаменте, каждая страница книги заключена в особую рамку и украшена миниатюрами, выполненными в средневековом стиле. Каждый том обложен в переплет из цельной кожи с изысканными золотыми украшениями. Это роскошное издание стоило по полнице 280.000 долларов, т. е. свыше полумиллиона рублей. Тираж издания неизвестен.

На книжных аукционах, которые на Западе прочно вошли в обиход (а Россия они практиковались в Петербурге в 1852—54, 1861, 1905—06 гг., но не привлеклись), редкие издания продавались по баснословным ценам. В том же 1909 г. в Париже на аукционе был продан том сочинений Мольера (1773 г.) за 195.250 франков.

Уже в наши дни на парижских аукционах сочинения Сервантеса (1621 г.) были проданы за 27 тыс. фр., «История Наполеона» Норвана (1839 г.) — за 20 тыс., 2 тома первого издания романа Стендаля «Красное и черное» (1830 г.) — за 70 тыс., первое издание флорберовской «Матем Бовари» — за 30 тыс. и т. д.

В советской печати в ноябре 1938 г. привелись сведения об аукционной продаже книги и рукописей из обширной библиотеки покойного французского министра Жака-Луи Барру. Продажа дала около 7 миллионов франков. Интересны цены отдельных названий книг: экземпляр первого издания романа А. Франса «Бог и жалость» прошел за 15.500 франков, «Цветы зла» Ш. Бодлера с посвящением автора были проданы за 57 тыс. фр. и т. д.

В 1936 году известный американский библиограф доктор Розенбах приобрел в Лондоне рукопись популярной английской детской книги «Алиса в стране чудес» (имеется в русском переводе) за 15.400 фунтов стерлингов.

На одном из английских аукционов недавно был продан редчайший манускрипт XV века «Часы Набеллы британской» за 13.500 фунт. ст. На том же аукционе одно из первых изданий Шекспира прошло за 3.600 фунт. ст., а экземпляр гуттенберговской Библии, несмотря на свою дефектность (в нем не хватало около 300 страниц), был быстро продан за 8.000 ф. ст.

В. НАГЕЛЬ.

НОВЫЕ КНИГИ

— Отдельным изданием выходит роман Геннадия Фила — «Клятва» (История одного отряда), печатающийся в журнале «Красная новь». Тираж издания 10.000 экз.; цена 5 р. 25 коп.

— Выходит книга поэм Иосифа Уткина. В книгу вошли две поэмы: «Милое детство» и «Повесть о рыжем Мотеле, господине инспекторе, равнине Исале и комиссаре Влох».

«Поэмы» выходят тиражом 6.000 экз. с иллюстрациями худ. М. Горшман. Цена книги 2 р. 50 коп.

— В ближайшее время Гослитиздат выпускает книгу Анатолия Франса, куда вошли два его произведения: «Сестная лавка королевы Усыние лапки» и «Возвращение абабы Жерома Кунарара». Перевод первого произведения — под общей редакцией Е. Ф. Корна, второго — А. К. Виноградова. Присмечания в книге — Е. Ф. Корна. Книга предназначена вступительная статья И. И. Анисимова «В саду Эпикура». Тираж издания 20.000 экз.; цена 6 руб. в переплете.

— В Ленгослитиздате выходит книга Гр. Гуквоского «Очерки по истории русской литературы и общественной мысли XVIII века». Тираж книги 10.000 экз.; цена 4 р. 25 коп.

— Туркменгосиздат выпустил «Героическую поэму» Алексея Егорова. В основу поэмы положен подлинный исторический факт. Герои ее не вымышленные, а существовавшие люди. Автор поэмы А. Егоров и трое его героев — Иван Трунов, Григорий Степенко и Намбул Джуканов служили вместе в Н-ском погранполке и были связаны между собой крепкой и большой дружбой. Поэма посвящена памяти Григория Степенко, герояски павшего в столкновении с вооруженной бандой нарушителей границы. «Героическая поэма» издана тиражом в 10.000 экз. Цена книги 2 руб.

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

Больше внимания писателю периферии!

Алексей Максимович Горький являлся примером чудесного отношения к больным и малым работникам литературного труда. Он находил ключ к человеку, угадывал, что волновало его воображение, какие замыслы ждали своего осуществления.

Горький верил в замыслы художника порой больше, чем сам художник верил в свои идеи.

Работники союза советских писателей до последнего времени работали плохо. Чуткость изредка, робко и случайно проявлялась союзом писателей, да и то в географических дозах.

В главном же, в осуществлении своих творческих замыслов, как бы скромны они ни были, мы не получали решительно никакой помощи от союза.

В Ростове живет и работает писатель П. Х. Максимов. Знает ли союз, что он пишет сейчас, а чем нуждается? Вряд ли. А Алексей Максимович Горький знал. В течение двадцати лет переписывался он с Максимовым — учил, помогал, ободрил, советовал.

Драматург И. Стальский написал пьесу «Стальвари». Девять месяцев назад отправил он ее в союз писателей. Девять месяцев молчания. Молчание — равнодушное и обидное. Может быть, наек с пьесой до сих пор лежат нераспечатанным в одном из столов союза? А тому же Стальскому находил время писать А. М. Горький. Больше того, он правил рукописи провинциального автора. То же можно сказать о писателях Г. Шолохов-Синявском, П. Корфанове, М. Знакунине и других.

Какого мы не знаем в союзе и кто знает нас? Мы печатаем свои книги. Только за последнее время вышли: Г. Шолохов-Синявского — «Суровая пугина» (3-я часть), М. Шигельмана — «Повесть о детстве», М. Знакунина — «В степи», Г. Грилова — «Поет молодая страна» и др. Выходит: Е. Горбань — «Земля безстрашных» (стихи), А. Софронова «Над Доном-рекой» (стихи), П. Корфанова — «Студенты» (роман), И. Котенко — «К звездам» (новелла).

Мы хотим, чтобы в Москве, в союзе писателей опытные мастера читали и критиковали наши произведения в рукописи.

Мы хотим, чтобы систематически проводились вечера, посвященные творчеству писателей, живущих в различных областях страны.

Мы хотим, чтобы издательства и журналы строили свои планы с учетом материалов, имеющихся у периферийных писателей и поэтов.

Мы хотим, чтобы периодически к нам приезжали члены редколлегии журналов и на месте отбирали наиболее яркие произведения для «Новой мира», «Красной новь», «Октября», «Знамени» и других изданий.

Хочется верить, что скоро, очень скоро наступит пора, когда союз займется каждым писателем, независимо от его адреса.

М. ШТИТЕЛЬМАН

Ростов-Дон.

Создадим студенческую песню

Песня вошла в жизнь и быт советских людей. Песня помогает нам производительно работать и культурно отдыхать.

В нашей стране есть свыше полумиллиона студентов, но до сих пор мы не имеем массовой студенческой песни. Почему же!

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В. СТАВСКИЙ, Е. ПЕТРОВ, В. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ, Н. ПОГОДИН, О. ВОЯТИНКОЯ.

СОВЕТ ВСЕРОССИЙСКОГО ТЕАТРАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА

выражает глубочайшую скорбь по поводу кончины

Народного артиста СССР

Константина Сергеевича СТАНИСЛАВСКОГО,

гениального мастера театра.